

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

11

НОЯБРЬ 1986

КОСТЁР

11
НОЯБРЬ

1986

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

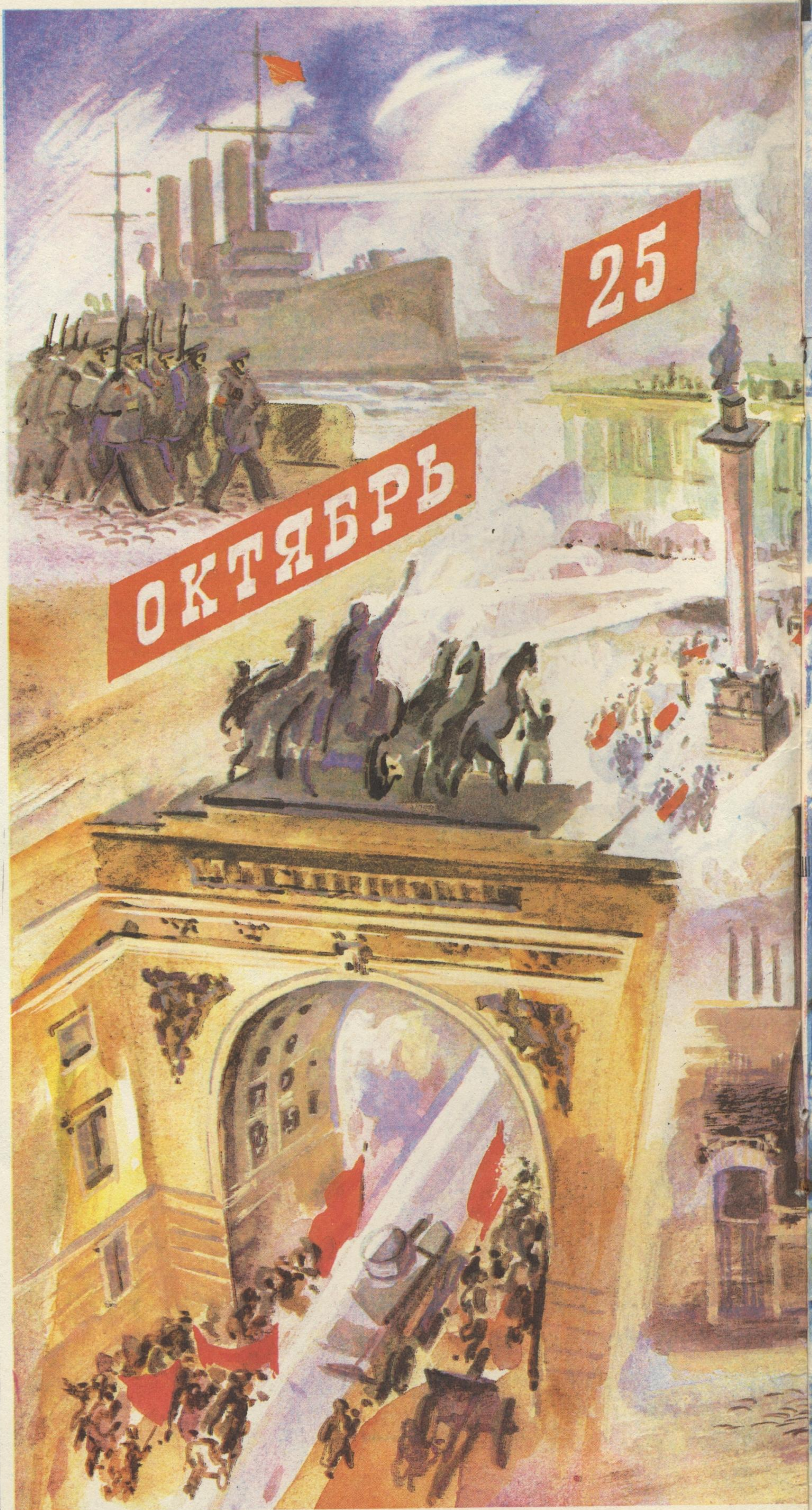
Издается с 1936 года

© «Костер», 1986 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Штурм	
отрывок из поэмы В. Фетисова	1
Пятилетка в красном галстуке	2
Пусть всем будет хорошо	
повесть М. Москвиной	3
Путешествия «Кон-Тики» продолжаются	
очерк Н. Михайловой	13
Стихи твоих ровесников	15
Барабан	16
Из истории революции	
очерк Д. Белоусова	20
Все лето в одном дне	
фантастический рассказ Р. Брэдбери	22
Михайло Васильевич Ломоносов	
очерк Е. Перехвальской	24
Зеленые страницы	28
Малина	
рассказ Н. Коняева	30
Что может береста!	
очерк Г. Салтупа	32
Где работать школьнику	
заметка В. Терешкина	34
Стихи	
Л. Яковлев	35
Сталь «Авроры»	
репортаж М. Белоусова	36
Стихи	
Г. Морозов	37
Пурга	
рассказ М. Шальтите	38
Арчбек	40
Две сказки	
Б. Сергуненков	41
Электроник	42
Веселый звонок	44
Морская газета	46

На обложке рисунок С. Захарьянца

ШТУРМ

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ
«ШЕЛ СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД»

Василий ФЕТИСОВ

Вечер уходит потемками прочь.
В Питере самая главная ночь.
Улицы полнятся большевиками.
Улицы в площадь входят штыками.
Под дулами улиц в центре кольца
корчится в ужасе туша дворца.
Покатилась лавина. Стреляет, мчась.
Ванька — лавины малая часть.
Вместе со всеми неведом страх.
Залп!.. Замирает «Ура!» на губах.
Дрогнул немного. Хрипит, на бегу:
— Врешь! Не убьешь! Живой добегу!

«Душно чего-то... Ковш бы воды...»
В черепе — кузница. Ноги — пуды.
Вскинул винтовку. Палит по врагу.
— Врешь! Не убьешь! Живой добегу!

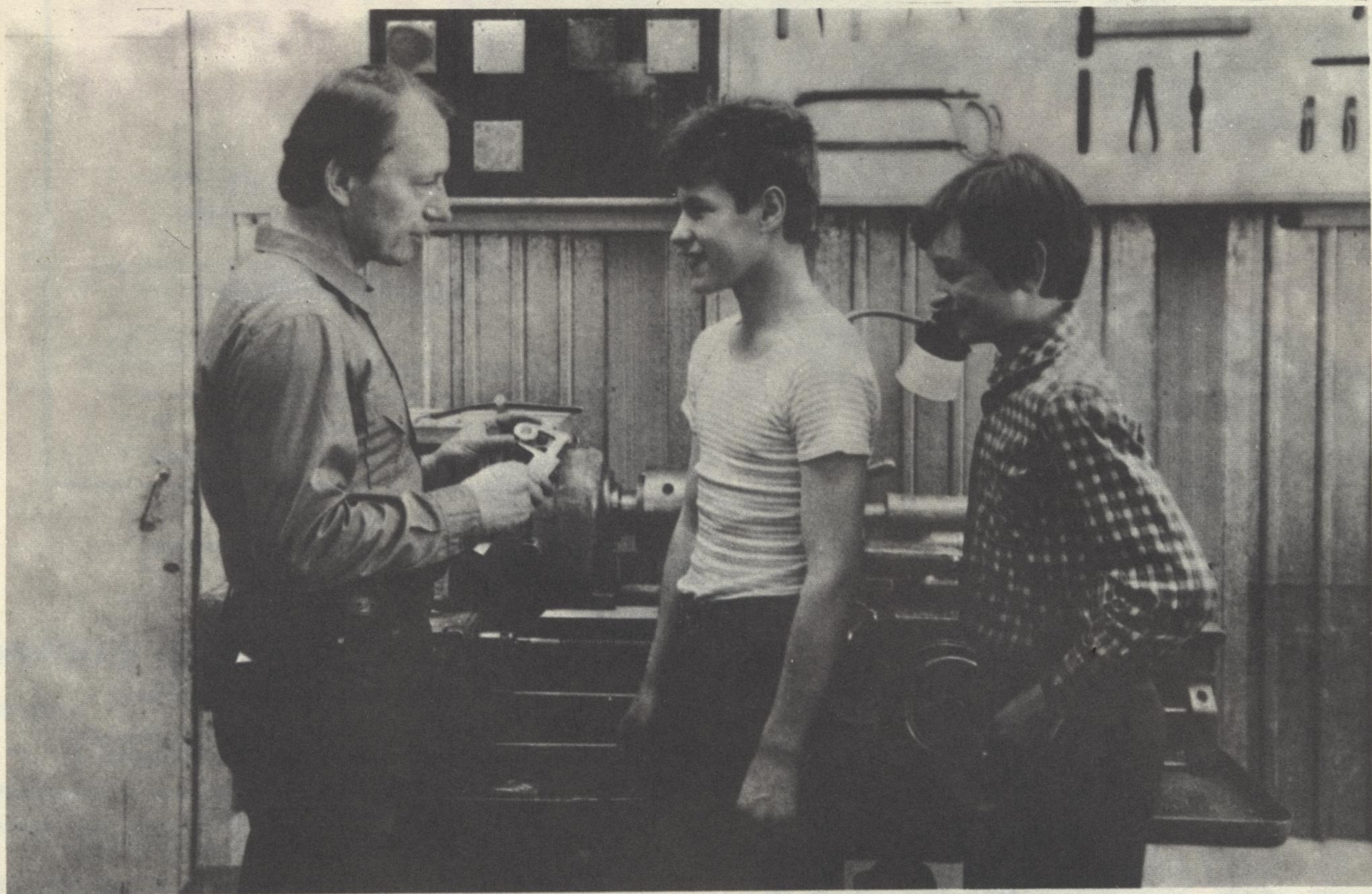
Шквалом сорвало окна и двери.
В страхе шарахнулись черные тени.
Выстрелив, прячутся, похолодев,
за белые спины мраморных дев.
Ванька на лестнице: — Бей юнкеров!
«Что это липкое — пот, или кровь?..»
А в бесконечных покоях дворца
грохот прикладов и цокот свинца.
Из Зимнего крысы лезут вон!
Ворота раскрыты. Стекол звон.
Заняли! Залило светом паркет.

А над Невой — бушует рассвет.
С Выборгской — ветра дымный настой.
Ванька! Что же ты падаешь? Стой!..
Зарево... В зареве видит отца...
— Батька!.. Мы взяли!.. Я шел... до конца!..

Эти стихи подсказаны жизнью и делами юного революционера, рабочего Петроградского Металлического завода Ивана Сенькина. Ему — красногвардейцу завода, встречавшему Ленина у Финляндского вокзала в апреле 1917 года и штурмовавшему Зимний в октябре, ныне — персональному пенсионеру, живущему в городе Ленина, посвящаю эти строки.

Рисунок Д. Титова

ГЛАВНЫЙ УРОК

Этот школьный цех дает промышленной продукции на шестнадцать тысяч рублей в год. Детали, которые делают школьники, Ленинградский завод строительных алюминиевых конструкций снял с основного производства — так хорошо справляются с заказом завода в школе № 347 города Ленинграда.

— Эй, работяги! — заглянула в мастерскую уборщица. — Школа закрывается!

Учитель труда Дмитрий Викторович Трапезников взглянул на часы и удивился: действительно, время пролетело незаметно.

— Ребята, убирайте станки, поздно уже...

Мальчишки расхватили весть. Семиклассники Вадим Егоров и Олег Шарапов протирали большой токарный станок.

Дмитрий Викторович смотрел на них, стараясь, чтобы ребята не заметили довольной улыбки, что тронула его губы. Когда-то Егоров и Шарапов были его мукой. Теперь Вадим и Олег стали его победой. Оба худенькие, неспортивные, в классе были незаметны. Все к этому привыкли, да и они сами — тоже. Токарный станок поначалу внушал им страх. Все у них валилось из рук, все не получалось. Миновало полгода... Полгода работы один на один со станком и металлом. Дмитрий Викторович не торопился. И, наконец, станок стал послушен, ребята поверили в себя. Они даже внешне изменились — держатся теперь спокойно, собранно, с достоинством.

Трапезников еще раз оглядел свой маленький цех, помедлив, выключил свет. Ко-

нечно, сейчас, когда школа заключила договор с заводом, стала как бы производственной единицей, очень важно вовремя и с хорошим качеством сдавать продукцию, но все-таки основная его забота — вот такие мальчишки.

Он радовался вместе со всеми успехам Володи Казакова, который за первый квартал года выдал три тысячи деталей. Он радовался, когда узнал, что завод принял все их изделия без замечаний. Но по-настоящему счастливым человеком почувствовал себя тогда, когда на общем собрании ребята единодушно решили перечислить все заработанные за квартал деньги — три тысячи двести рублей — в фонд помощи жителям Чернобыля.

В. ГЛАДЧЕНКО
Фото автора

ПУСТЬ ВСЕМ БУДЕТ ХОРОШО

Марина МОСКВИНА

ПОВЕСТЬ

Рисунки О. Филипенко

Глава 6. О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В МАРТЕ

Мы с Мариам ехали на эскалаторе. Мариам — в пальто моей мамы «балахоном». И в пуховом платке.

Я ела мороженое «Бородино».

А вниз по лестнице бежит один мужчина. И кричит всем пассажирам:

— Ребята! За мной!

Вдруг — как подскочит ко мне!

— Девочка! — говорит. — Дай мороженого куснуть!

И откусил!

Я растерялась и думаю:

«С какой стороны дальше есть? С той же? Или теперь с другой?»

А Мариам:

— Выброси сейчас же! Негигиенично, — говорит, — после ненормального есть! Заразишься — тоже такая будешь!

Надо же! Нунка мне: «Ты за Мариам — приглядывай. Она у нас к жизни совсем неприспособленная!»

Сомневаюсь, чтоб это я за ней приглядывала. По-моему, наоборот.

Я говорю:

— Ты что?! Вдруг он увидит? Представь, как ему будет неприятно.

А она все равно!

Главное, мы в одном вагоне оказались. Он там своему соседу по сиденью про трубы рассказывал.

— Мы им, — кричит, — такой диаметр шурунули!.. Тр-рубищи! — А тот — серьезный, с бородой — слушает и кивает. Я его узнала. Он вчера в программе «Время» среди болельщиков сидел на шахматном турнире.

...Вот мне нравится везде ездить! И смотреть, какие люди существуют на свете. И думать про них. Как они живут — незнакомые — какой-то непонятной мне жизнью.

Например, этот с виолончелью?.. Или другой — вид у него очень авторитетный — а под мышкой книга «АКТЫ». Или охотник с лыжами и настоящим ружьем?.. Или тот — до того обтрепанный, — даже газету читает половину и рваную?!

А к надписи «Не прислоняться» прислонилась девушка — выше своего высоченного папы!..

Интересно, какой я буду в ее годы?

Вот бы тоже вымахать! Пусть не так, но хоть не последней стоять на физкультуре.

А еще я подумала — какой я буду теткой?

Теткой быть неохота. Лучше всего девушкой. И старушкой. Только такой, как в комнате под

лестницей на старой квартире — соседка — бабушка Марфуша, которая копила серебряные бумажки от чая.

Восемьдесят шесть лет человеку! А она всему дому шила юбки и скатерти! Узорные! Из материи — с этими вот чайными фантиками! Главное дело, без очков.

«Я, Лен, чуть беда или болезнь какая, — говорила мне бабушка Марфуша, — к Николаю Чудотворцу-заступнику! Нитку в иголку вдеть не могу: „Николай Чудотворец-заступник — помоги!“ Сразу и вдену...»

Марфушины юбки — моя и мамина — лежат в тюке на антресолях. Будет у нас с Мариам девочка — я ей свою подарю.

...И пока я о всем этом думала, поезд остановился. И в наш вагон заходит и встает перед нами — тетя Сирануш... Мама Нунки и Мариам.

Глава 7. «ВОЯДЖЕРЫ» ВО ВСЕЛЕННОЙ

Домой мы с Мариам вернулись под конвоем. Тетя Сирануш бросила на вешалку шаль и уперлась кулаками в талию.

В прихожей стало жарко.

— Позор! — крикнула тетя Сирануш. — Позор на род Милитосянов!!!

Залаял Чипс! Из кухни выбежала мама.

— Сирануш Бабкеновна! — сказала мама. — Я вам все объясню!..

— Не надо песен! — прокричала тетя Сирануш знаменитое изречение своего мужа — Ованеса Манасовича. — Отец узнает — что будет?!!

Тогда моя мама тоже крикнула:

— Не нервнируйте девочку! Она — как никогда — нуждается в атмосфере надежности и покоя!

— Отец свернет ей голову! — пообещала тетя Сирануш. Она воинственно прошла в кухню и опустилась на табуретку — за стол.

В одну секунду мама налила ей чаю и в блюдце подложила бутерброд с сыром «Дружба».

— Мариам! Сахар! — скомандовала мама.

— Не нужен мне ваш сахар! — парировала тетя Сирануш. — У меня свой в сумке!..

Дальше, как в театре, открылась дверь и явился папа.

— Интереснейшее сообщение! — он помахал перед нашими носами своей любимой газетой «Труд», — «Ориентир на возможный контакт с братьями по разуму»!

— Это Сирануш Бабкеновна... — говорит папе мама.

— Очень рад! — он пожал тете Сирануш руку и развернул газету. — «Запущены два космичес-

ких корабля «Вояджер», — прочитал папа. — С грампластинками на борту они покинут Солнечную систему и отправятся в бесконечное путешествие по Вселенной...»

— Сирануш Бабкеновна — мама Мариам, — попыталась мама вернуть папу из Вселенной.

— Ах, вот что?! — обрадовался папа. — У вас прекрасная дочь! — он опять потряс руку тете Сирануш. — Я устроил ее к себе на работу и, знаете, — только положительные отзывы.

— На работу? — пробормотала тетя Сирануш, остывая. — И кто вам сказал?

— Что? — спрашивает папа.

— Вот эти отзывы?..

— Заведующий сектором глобальных проблем, — просто ответил папа.

Тогда я спрашиваю:

— Пап! А что там на грампластинках?

— Голоса китов, — отвечает папа, — шум поездов, вой ветра, плеск воды, самолетный гул, крик новорожденного...

И тут тетю Сирануш осенило!

— Мариам! — воскликнула она, перебивая папу. — Скажем отцу: твой ребенок родится у меня?! Я Ованеса знаю! Он поверит.

Папа газету положил на холодильник.

Мама отвернулась и стала мыть посуду. Тарелки в раковине стучали, как льдины на реке.

— Свободна будешь! — твердо сказала тетя Сирануш. — Никто ничего не узнает. И больше об этом ни слова!

Я, папа и Чипс молча уставились на Мариам. Меня даже страх пробрал — неужели согласится?.. Ну правда, мороки, наверное, с этим ребенком!..

— А скажем лучше, — не выдержала я, — что он родится у моей мамы?!

— Отличная мысль! — поддержал меня папа.

Но Мариам — наконец-то! — помотала головой.

— ЭТОТ РЕБЕНОК, — сказала наша Мариам, — РОДИТСЯ У МЕНЯ.

— Тогда выкладывай! — опять вскипела тетя Сирануш. — Что он за фрукт, отец твоего ребенка!

— Мой муж — солдат Паремузян! — Мариам ТАК ответила — и всем стало ясно, до чего же она все-таки влюбилась.

ТАК, что я тоже решила — сию же минуту в кого-нибудь влюбиться. Потому что поняла — какая тошнота жить без любви.

Я перебрала всех: продавца мяса Илью, сына школьного бухгалтера — яхтмена Гергарда; Валерку Лопатова, который ходит в ЖЭК учиться на мандолине; красавчика Витю из шестого корпуса по прозвищу Фанэра, который никуда не ходит учиться, Льва Цуцульковского из нашего драмкружка...

Я бы перебирала и перебирала, но пришлось остановиться на Цуцульковском потому, что тетя Сирануш вдруг вскрикнула:

— Паремузяны!.. «Артисты»! С вот такими ушами!..

— Что так говоришь? Перцу много покушала? — обиделась Мариам.

— Без согласия!.. Без... дедушки Манаса!.. Без приданого! Без свадьбы!.. Отец не переживет!..

— Сирануш Бабкеновна! — вдруг остановил ее папа. — Все, что вы говорите, — это еще не поздно.

— То есть как? — удивилась мама. Да и мы с Мариам удивились тоже.

— А очень просто, — объяснил папа. — Вернется из армии Нельсон, и, чтобы не нервировать Ованеса Манасовича, ребята начнут все сначала. Придут к нему, попросят, уговорят, вы им поможете, и если он согласится...

— То что?! — спрашивает тетя Сирануш, обомлев.

— То мы с Нельсоном, — радостно говорит Мариам, — женимся еще раз!

— Правильно! Сыграем свадьбу! Пригласим ваших родственников! — говорит моя мама.

— Из Схоторашена!.. — говорит Мариам. — Из Дзорагюха!..

— Таким образом, — подхватывает папа, — положим конец этой хоть и многовековой, но совершенно нелепой ссоре.

— Вай, — охнула тетя Сирануш. И уже более миролюбиво спросила:

— Что он пишет, скажи, этот Паремузян?!

— Стихи, — отвечает Мариам.

Она скрылась в нашей с ней комнате и принесла тоненький конверт без марки.

— Прочту одно, поздравительное! — с гордостью объявила Мариам:

«Настало время, мы расстались,
Нас разнесло кого куда...
Но наша дружба все ж осталась,
Авось на долгие года...
С Новым годом тебя поздравляю!
Много счастья, успехов желаю!
Здоровья неплохого
И смеха озорного!

Позт-любитель Нельсон Паремузян.

P.S. Жду отзывов о стихе!..»

Какие там отзывы! Мариам прочитала так, что всем было ясно — это лучшие стихи в мире.

Всем, кроме тети Сирануш.

— Чокнутый, — сказала тетя Сирануш. — Они еще и сумасшедшие, как я забыла.

Тетя Сирануш оделась, из сумки вывалила к нам на стол все свои продукты, сказала напоследок:

— Вай, только бы отец не узнал...

И — как «Вояджер» к братьям по разуму — пошла домой к дяде Ованесу.

Глава 8. ЛЕВ И САМСОН

Итак, мой выбор пал на Льва.

Со Львом меня связывает сцена.

Мы играем в «Женитьбе Бальзаминова».

Он — Бальзаминов, я — вдову Белотелову. Я его по ходу действия спрашиваю:

— А вы когда меня полюбили?

А Бальзаминов — Цуцульковский отвечает:

— В четверг после обеда на прошлой неделе!..

Лев занимает особое, «генеральное» положение в нашей труппе. Бальзаминов — его первая

комическая роль. До этого, начиная с четвертого класса, он гремел как трагик.

— Фактура! — с уважением говорит о Льве главный режиссер драмкружка.

А у Льва и правда — «фактура»!

Голос в нос, нос — греческий, и мне кажется, греческий же — выдающийся вперед подбородок.

Я начала думать о нем с утра, сразу, как только проснулась.

— Лев! — сказала я сама себе. — Цуцульковский!!!

Жизнь показалась мне чудесной.

Поэтому после репетиции я пригласила его на ВДНХ. Весна была уже, апрель! С крыш падали сосульки и разбивались, как стакан!

Мы шли в толпе — самое мое любимое! Вдвоем — я и Лев!

— Взвесимся? Я плачу! — предложил Лев у главного входа на выставку.

С пальто и ботинками во Льве оказалось сорок два кило! Во мне было сорок девять, триста.

Потом Лев стал жать на силомер и выжал восемь килограммов!

— А ну жимани! — велел мне Лев.

Я «жиманула» на пятнадцать.

Вид у Льва стал обиженный, как у рыбы ба-рабули.

Я говорю:

— Брось! Мы же в разных весовых категориях!

Мне хотелось его рассмешить, и я стала рассказывать, как рассказывала моя мама, что у них один диктор по радио сказал: «Московское время тринадцать часов пятнадцать рублей!»

Но Лев до того насупился! К тому же он промочил ноги.

Лужи были глубокие, мутные, коричнево-зеленые, не хуже пруда с плавучими пузырями. В пруду отражался старик. Он сидел под мостом и самого его мы не видели. Его отражение ело из пакета хлеб и кормило уток.

А вообще играла музыка! И над полем, где в прошлом году на осенней собачьей выставке Чипс получил приз /керамический набор из шести кружек для пива/, повесили разноцветные флажки..

Из отдела свиноводства пахло сушеными морскими звездами.

Я говорю:

— Зайдем?

— Меня не привлекает рассматривание свиней, — сухо сказал Лев. — Но если тебе так хочется...

Неожиданно свиньи Льву понравились. Он скуп на похвалы, зато не удержался и громко хрюкнул вздремнувшему хрюку Рокоту. Таким же макаром Лев пошел хрюкать хрюку Циклопу, хрюку Скакуну, а потом по очереди — розовой, «соль с перцем» и белой свиноматкам, которых всех одинаково звали Черная Птичка.

Лев Цуцульковский — в обычной жизни человек хладнокровный и невозмутимый, восторгался всеми подряд свиньями, и до того довосторгался, что — раз! — и юркнул в какую-то дверь.

А за ним я. Мало ли, что может случиться!

За дверью все было, как в бане.

Водостоки, шланги, резиновые ковры, зеленая

мочалка!.. Потом — веник с высохшими листьями на прутьях и полные корзины тряпок!..

Я представила себе могущего Циклопа — с мылом, с мочалкой. Как его поливают из шланга и похлопывают березовыми вениками!..

И тут распахнулась еще одна дверь на «выгульный двор». И мы со Львом над крышей сарая, вдали, увидели огромную золотую женщину вроде бы с дрелью.

В «выгульный двор» въехал грузовик. Свиновод в синем сатиновом халате подал к кузову настоящий деревянный трап на колесах!

Трап был горкой, без ступенек!

А по нему — под марш Дунаевского, гремевший из всех динамиков ВДНХ, с абсолютно чемпионским видом спускался свин по имени Самсон.

У трапа встречать Самсона сбежались все работники отдела свиноводства. Они почтительно расступались. И он по резиновой дорожке стал очень прытко продвигаться к тому месту, где наблюдали за его прибытием я и Лев Цуцульковский.

— Идем отсюда, — говорю я.

Но Лев не шевелится.

А Самсон уже вот он! Тигровой масти! Три подбородка! Щетина на голове торчком! А хвост — с кистью — воинственный, как у ящера Комодо.

— Лев! — говорю. — Цуцульковский!!!

Смотрю: он сделал такое лицо... Прямо каменное! Даже глазами не моргает.

Тогда я вышла из-за Льва и загородила его от Самсона. Я бы не знаю от кого бы его загородила! Ведь Лев был моим избранником.

— Укусит! — прошипел сзади Лев. — Свиньи кусаются, как дьяволы!

Все точно! Самсон ощерил желтые клыки и, по-моему, приготовился к броску.

— А ну пошел!!! — заорала я, как в жизни бы не заорала, если бы за моей спиной не стоял окаменелый Лев Цуцульковский, Лев, о котором я думаю с утра, сразу, как только просыпаюсь!

Самсон опешил. Он вытянул чушку трубочкой, попятился и... жалобно загудел через нос.

Теперь на меня двинулся свиновод — тот, первый, в сатиновом халате.

— Девочка! — строго сказал свиновод. — Посторонись!

И Самсона — мимо нас со Львом — за ухо и за хвост — ввели в свободный вольер.

...Вот мне нравится, когда в Москве апрель!..

Летели на повороте искры от трамвая — то Большой Медведицей, то Малой! Лев сказал мне на прощанье:

— Знаешь, Шишкина, что больше всего ценил в женщине Карл Маркс?

Я не знала.

— Слабость, — сказал Лев. — Пока.

Глава 9. О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НОЧЬЮ

Ночью я проснулась оттого, что Мариам в темноте ходила по комнате. Она ходила очень тихо, но за ней на весь дом топал Чипс.

— Ты чего? — говорю.

— Кажется, пора! — отвечает Мариам.

— Эй! — я вскакиваю с кровати и бегу к родителям. — Мариам — пора!!!

Залаял и запыхтел Чипс. Тут же вскочила мама. Папа тоже вскочил. И все впотьмах забегали, натыкаясь друг на друга.

— Свет! — скомандовала, наконец, мама. — Чипс — место! Мариам — одеваться!

— А я? Что мне делать? — спрашивает папа. В руках он почему-то держит эспандер.

— Машину! — велит мама.

Я наспех напяливаю на себя одежду и бросаюсь выбирать книгу. Для Мариам. Чтоб ей там в роддоме было что почитать.

Самым подходящим для такого случая мне кажется «Трое в лодке, не считая собаки»! Я ее шесть раз читала и все время хохочу.

Сначала меня и Чипса решили оставить дома. Но Чипс разнервничался и стал выть. Он вообще взял манеру завывать, когда Мариам куда-нибудь уходит.

Нас уже из домоуправления предупредили:

— Жалоба, — говорят, — поступила, от соседки снизу.

Она поэт. Пишет сатирические куплеты. А когда Чипс подвывает, ей кажется, что она на кладбище.

Мы не обижаемся. Понятно: если кажется, что ты на кладбище, о каких куплетах может идти речь?

А с другой стороны — не брать же Мариам его на работу в этот папин отдел глобальных проблем?!

Хотя другая наша соседка — одинокая тетя Нина, учительница по географии (у нее доberman — и тоже подвывает), — берет! Он спит на уроках под учительским столом. И ничего. Только раз ей директор школы сделал замечание, когда тетя Нина вместе со своим доберманом явилась на родительское собрание.

Короче, в такси мы влезли все.

Мариам с книгой — на переднем сиденье, а мы трое, не считая собаки, на заднем.

Улицы были пустые. На мокром асфальте раскачивались тени деревьев. В лохмотьях объявлений стоял на ветру фонарь.

Мы подъехали к дому за железной изгородью, с горящими синими и тускло-желтыми окнами.

— Ни пуха, ни пера! — сказал молчавший всю дорогу водитель такси.

— К черту! — ответила Мариам.

Мы проводили ее до дверей.

Доктор вернула нам вещи Мариам и почему-то книжку.

А УТРОМ!!! Потрясающе апрельским утром!!!

У нас родился мальчишка.

Глава 10. СИЛА ДУХА ЛЬВА ЦУЦУЛЬКОВСКОГО

Оказывается, в мужчине больше всего Маркс ценил силу.

Ничего не понимаю!

А ум? А талант?

Нунка сказала, что мы с Цуцульковским оба к этому изречению не подходим.

— Твой Цуцульковский, — говорит Нунка, — слабак, трус и зануда. Я бы, — говорит, — ни за что в такого не влюбилась.

А мне кажется — нет. Мне кажется, правильно сказал один пассажир из трамвая. Хоть он был и навеселе.

«В каждом человеке, — сказал он, — чё-й-то есть!»

Что ж, что Цуцульковский боится свиней?

Зато какому храбрецу сыграть Бальзамина так, как его играет Лев?! Он просто заражает своим талантом весь драмкружок!

У одной меня не выходит — с вдовой Белотеловой. Потому что я на сцене деревенею.

Лев сегодня так и сказал:

— Нарращивать и наращивать тебе, Шишкина, твое актерское мастерство.

И обещал, что зайдет проверит, наращиваю я его или нет.

Я начала готовиться к приходу Льва сразу, как пришла из школы! Спрятала с вешалки в шкаф немодную папину шляпу! А книгу, которую написал папа, — про борьбу за мир, — выставила на самое видное место.

Также, чтобы поразить Цуцульковского, я вы-

ставила «куриного бога», челюсть древнего осла, глиняного дракона и зуб акулы.

На стол я постелила клеенку в синий, красный и белый цветок. Как все новые клеенки, она испускала ядовитый запах. У меня даже дыхание сперло — то ли от этого запаха, то ли оттого, что в окне я увидела входящего в мой подъезд Льва.

Почему-то он долго не звонил.

А когда позвонил, пролетом ниже — возле мусоропровода — стоял Витя Фанэра. Фанэра глядел исподлобья, жег спички и бросал их на лестничную клетку. Еще там стоял Лопатов.

— Приступим! — с ходу говорит Лев, не взглянув на клеенку и выставленные сокровища. — Реплика!..

— «А вы когда меня полюбили?» — радостно выпалила я.

— Не то, — покачал головой Лев. — Будь сдержанней, Шишкина, в выражении своих чувств. Тогда зритель тебе поверит. Реплика!..

— «А вы когда меня полюбили?» — сдавленно говорю я, хотя все во мне бурлит.

— Не верю! — сказал Лев. — Темпераментней! Больше искренности и непосредственности!

— «А вы когда меня полюбили?!» — я выпучиваю глаза и напыживаюсь.

— Не гримасничай! — сказал Лев.

— «А вы когда...»

— Слащаво!

— «А вы...»

— Не кричи!

— «А...»

— Громче!

— «А вы когда меня полюбили?..»

— Не забалтывай роль! Не комкай! — Лев стоял спиной к окну.

На улице кто-то свистнул.

— У вас не стреляют в спину? — не оборачиваясь, спросил Цуцульковский.

— Да вроде нет, — говорю я.

Лев помолчал, а потом сказал:

— Ну так. Я пошел.

Через три минуты в окне я увидела, как Лев вылетел из подъезда. Он летел долго, параллельно земле. За ним вдогонку летел его черный берет.

Потом Лев упал.

Я выбежала на улицу.

Под балконами в разные стороны удирали Фанэра и Лопатов.

Глаз у Льва заплывал, нос был расквашен.

— Они сказали, чтоб я к тебе не шел, — объяснил мне Лев. — А я все равно. А они: «Ну — только выйди!..»

— Что ж ты сразу-то, — говорю, — не сказал! Тебя бы со мной!.. Да тебя бы никто бы!..

— Не захотел, — отвечает Лев.

И тут мне стало понятно, какую силу ценил в мужчине Карл Маркс.

Глава 11. ЗА АРАРАТОМ НЕЛЬСОНОВИЧЕМ

Хорошо на улице — дым! Ворона клювом переворачивает картон — ищет — нет ли под ним червяка. На газонах обгорелые стволы новогодних елок. Бумага валяется! Жгут костры! Старушка тащит желтый в красный горох бидон!

Помойки!.. Голуби!.. Запах отсыревших картофельных очисток!

Дребезжат по тротуару самодельные самокаты, худые собаки носятся оголтелой стаей.

Все, все кругом сегодня облезлое! И весеннее, как старушкин бидон.

А мы — я и Нунка — идем забирать Мариам.

И, конечно, мальчишку, которого Мариам назвала Арарат.

За Араратом Нельсоновичем шли мы с Нункой. Потому что моя мама — на Алтае. Папа — в Ленинграде. Бабушка — до сих пор в Киеве, у бабы Маруси. А тетя Сирануш не пошла в целях конспирации.

Мы несем одеяло! Косынку на голову! Пеленки, распашонки, синие ленты! И в отдельном узелке — платье для Мариам.

Все это втайне от дяди Ованеса дала нам тетя Сирануш.

Еще тетя Сирануш дала юбилейный металлический рубль. Она велела вручить его медсестре — той, которая отдаст нам Арарата.

«Товарищ! Придержи дверь! Не хлопай!» — прочитали мы на двери дома, в котором тогда, ночью, оставили Мариам.

Ну — что там творилось!

Дедушки!.. Бабушки!.. Толпа отцов!..

Кто-то шепотом переговаривался, а кто-то — от волнения — наоборот!

Один отец в зеленом костюме и в фиолетовом пушистом берете прямо скандал своей маме закатил. Пристал — почему она обмахивается его носовым платком.

— Мои платки, — говорит, — это мои платки! И я не позволю, чтобы кто-то ими обмахивался.

— Но почему? — удивляется его мама.

— Почему-почему? — отвечает фиолетовый берет. — Потому что они мои!

Другой — сидит на клеенчатом диване, химические формулы записывает.

— « H_2 , — писал он, — CO_2 »!

Зачеркивал, ерошил чуб! А как вывели его жену с ребенком, кинул блокнот и — к ним, зазвонив то ли мелочью, то ли ключами.

— Шишкина! — сказала Нунэ. — Нам нужен кто-то в этом роде!

Я и сама заметила — детей получали отцы.

Одни отцы. А не такие — типа меня или Нунэ.

Самым подходящим мне показался Бандурин Леня. А Нунке — нет. Нунка хотела, чтобы это был армянин.

Я говорю:

— Армянин — большая редкость.

— А твой Леня — не комильфо! — заявляет Нунка.

И я удивилась: так про некоторых людей говорит Цуцульковский.

— Нун, — спрашиваю я. — А «некомильфо» — это что?

— Лопух и брюки с пузырями! — объяснила мне Нунка.

Интересно: будь я красавицей, как Нунэ или Лев, — нравились бы мне все — как сейчас? Или бы я тоже всех критиковала?..

Думали-думали, ни один «комильфо» на ум не идет.

— Ладно, — говорит Нунка. — Идем искать Бандурина.

Мы разыскали его в школе. В кабинете физики собирался Леня смотреть свой любимый фильм «Драконы острова Комодо».

— Чего это вы с тюками? — спрашивает Леня.

А узнал, какое к нему серьезное предложение, — сразу дал согласие.

— Бабуся в санатории! Делать нечего!.. — сказал он, когда мы вышли из школы. — Пока мамаша с работы не вернется. Она мебель купила. Мне, правда, не очень. Слишком уж мягкая. «Не садись!..» «Испачкаешь!..» Мать у меня, вообще, со вкусом. А ключи отобрала, чтоб я без нее нашу мебель не испортил. «Чувствуй, — говорит, — себя, Леня, облаком, парящим в небе!»

— Как это? — спрашиваю я у Лени.

— Мамаша у меня — йог, — гордо сообщил Леня. — Каждое утро занимается — этой... КАКИ-МУДРОЙ!

— Как это? — говорю я.

— Проснется — и лежит, — солидно объяснил Леня. — То в позе «кобры», то в позе «крокодила».

...Мы снова оказались среди отцов.

— Кто последний? — спрашивает Леня.

— Держитесь за мной! — отозвался человек во всем черном.

В черной рубашке, такой же костюм с жилетом и в черном галстуке!

— На американского шпиона похож, — подметил Леня.

Со своим шпионским видом «черный» человек списывал «Памятку отцу новорожденного».

— Девчонки! Цветы! — вскричал вдруг Леня и выбежал на улицу.

Мы с Нункой страшно разволновались, что он уедет сейчас за цветами — на рынок или в теплые края.

Но Леня вернулся, как раз когда появилась Мариам, а Арарат — в одеяле и в бантах — лежал на руках у медсестры.

Не сплеховал Леня!

С желтым букетиком мать-и-мачехи он подошел к Мариам и, пожав ей руку, всучил цветы!

Таким же образом он всучил медсестре рубль, и она — безо всякого — отдала ему Арарата.

— Приходите к нам еще! — крикнула медсестра вдогонку.

А перед нами возник фотограф.

До этого момента он стоял в коридоре с фотоаппаратом на шее и с таким унылым лицом, что трудно представить, как в одну секунду можно преобразиться!

Теперь в нем был праздник и ликование!

— Поздравляю с новорожденным! — он шелкнул вспышкой. — Фотографии получите почтой через три недели!!! — и опять уныло замер в коридоре.

Кряхтит и попискивает Арарат.

С видом парящего в небе облака несет его Леня.

— Девчонки! — говорит Леня и блаженно улыбается. — Я этому фотографу дал адрес своей мамашки!

Глава 12. ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Решается моя судьба, — сказал мне Леня Бандурин.

Под дождем в шляпе из кожаменителя стоял он у школы и грыз морковь.

— Как это? — говорю.

— Я в химкабинете позабыл горелку выключить. На ночь. И меня опять выгоняют с работы.

— Может, обойдется? — говорю я.

— Бабусю жалко, — отвечает Леня. — Она сейчас там. «Не серчайте, — говорит, — Евдокия Васильевна! Это он нескладный — весь в покойного папу — Пегасия Николаевича. Такой же был завертай, царствие ему небесное!..»

— Бабуся, — добавил Леня, — до сих пор матери простить не может. Хотела, чтоб меня в честь него Пегасием назвали.

— А сам-то ты чего хочешь? — говорю я. — Чтоб выгнали? Или чтобы нет?

— Чтоб выгнали, — отвечает Леня. — Тогда я учиться буду — на циркача.

— Ого! — говорю я.

У Лени всегда были задатки: он здорово ходит на руках и запросто чешет ногой за ухом!

...— ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ЕСТЬ ЖИЗНЬ?! — вчера с балкона третьего этажа воскликнул дядя Миша Айзберг. — Планеты как-то живут, развиваются. И нигде нет такого безобразия, как у нас.

Он имел в виду Валерку Лопатова, чтобы тот проигрыватель сделал потише. А если говорить вообще, то мне это как раз «безобразие» очень нравится.

Мне нравится, что нигде — во всей огромной и бесконечной Вселенной — нет больше ни одного — Лени Бандурина!

Да взять, к примеру, моего папу — читателя такого количества газет, что в прошлой четверти макулатуры наш класс сдал больше всех!

Но если мне кто-нибудь скажет: «Есть много людей, как твой папа, — серьезных, солидных и очень рассудительных», — значит, этот кто-то и слыхом не слыхивал, что ПАПА однажды купил себе аккордеон!

Красно-перламутровый, немецкой фирмы «Ne-gold», он пах чемоданом а над кнопками регистров сверкали три как бы бриллианта!

По «Самоучителю» на этом невозможной красоты аккордеоне папа разучил единственную песню и громко распевал ее с утра пораньше:

Солнце светит, лучи, словно ласка!
Каска медная тонет в луче-е-е-е...
Ах, вот в этой сверкающей каске
Ходит милый мой на каланче!

— Хо-хо! — кричала из кухни бабушка.

— Он пожарник толковый и ярый! — подхва-

тывали мама и баба Маруся из Киева. — Он ударник такой деловой! Он готов погасить все пожары! Он не хочет гасить только мой!

Правда, потом он его забросил. Сунул на антресоли и забыл. Но тогда-то ведь — пел!..

И — я думаю — разве во Вселенной — найдется что-нибудь похожее на Нункин Схоторашен? Даже нет — на всю Армению?

Я там, жалко, не была. Моя Армения — это Нунка.

И картина в комнате дяди Ованеса — с изображением горы Арарат.

И горячие пироги с травой — «женьгялхатс», которые тетя Сирануш печет всегда в конце апреля.

И вот этот стих древнего армянского поэта Я читаю его — громогласно, — когда мне кажется, что никто не слышит.

Очнитесь, распахните взор,
Закрытый сонной пеленой!
Движенье вечное светил
В ночи узрите над собой!
И если вечная любовь
Любовью нас дарит, своей,
То пусть тогда моя душа
Соединится утром с ней!
И если радость и любовь
Мне суждены у врат любви,
Пусть утром удостоюсь я
Любви и всех наград любви!
И если душу должно мне
Отдать любви — я рад любви!
И муки претерпеть готов
Я за бессмертный взгляд любви!

Я шла из булочной, а впереди прямо к моему дому шагал солдат.

В сапоге журнал «Знание — сила»!

На спине — вещмешок со скрученной рулетом шинелью. А посерединке над карманом рюкзака большими печатными буквами синей ручкой было написано: «Н. Ш. Паремузян».

Глава 13. ЗАЛЕТНЫЙ СХОТОРАШЕНЕЦ

Везет же мне. Например, сегодня взял и ни с того ни с сего пришел Лев.

Я думала — он все. Больше не придет!

— Шишкина, — говорит Лев. — Не знаешь, где Нунэ?

А я ему так обрадовалась и говорю:

— Знаю! Поехали — покажу?!

— Поехали, — говорит Лев.

Мне нравится разглядывать — кто что несет!

На Пушкинской площади мимо Пушкина несколько человек пронесли одинаковые абажуры.

У остальных, будто икра какой-то огромной рыбы — апельсины в авоськах!

А мы со Львом по очереди держим Арарата.

— Надо открыть ему лицо, — говорит Лев. —

Может, он эту поездку запомнит на всю жизнь.

Я соглашаюсь! Со всем — что бы он там ни говорил!..

Это ж ведь Лев Цуцульковский! Невероятно, какой сегодня счастливый день.

Из подвальных окошек гостиницы «Центральная» тянет печеными булками. Согнувшись, я и Лев суем туда головы. Нашим глазам предстает ужасное зрелище: гигантский бак, белое тесто и желтая, неправдоподобной длины рука месит его здоровой палкой:

— БРРЫМ! БРРЫМ! БРРЫМ! БРРЫМ!

— Фу! Какая рука, — говорит Лев.

— Рука есть, а человека нет, — обнаруживаю я, просовываясь все дальше и дальше. — Это механизм!

— Дай посмотреть Арарату! — велит Лев.

— Дети! Куда вы суете ребенка? — раздается над ухом чей-то голос.

Возле нас со Львом стоит низенькая тетя в плаще, с кудрями и в голубых тапочках.

— Товарищи! — кричит она проходим. — Стоят дети и суют черт-те куда ребенка!

— Выбирайте выражения, — с достоинством говорит Лев.

— А вы не суйте, — строго сказала женщина.

— А мы и не суем, — говорит Лев. — Мы показываем!

— Что? — не унимается тетя.

— Как булочки пекут, — вежливо отвечает Лев.

— Ну — это показывайте, — довольно-таки дружелюбно разрешила тетя. И пошла, наконец, своей дорогой.

А мы — своей, к памятнику Юрию Долгорукому.

Здесь Лев с Араратом чуть-чуть обождут.

Я направляюсь к кафе «Птица».

— Куда? — дверь загораживает швейцар.

— На свадьбу! — говорю я.

...— ТАШИ-ТУШИ!!! — кричит кларнетист, похожий на гвардейца кардинала, и прижимает к губам кларнет.

— КЕЦЕ ПЕСА! — стучит барабанщик в армянский барабан — дехол.

Третий музыкант играет на аккордеоне. У него кривой нос и прямой пробор, белый, как след самолета.

Пляшут родственники из Дзорагюха!.. Из Схоторашена!.. Из Еревана!

— АЙ-ВАЙ! — пошел танцевать!

В одной руке — кинжал с лентами, конфетами и яблоками на острие!

В другой — настоящий живой петух! Желто-оранжевый с синим и зеленым! Грудь в пуху, зато сзади — совсем свободный от перьев!..

— Каков петух?! — кричат. — Залетный! Схоторашенец!!!

— На кухню! В суп его!.. — кричат.

А Нельсон-то, Нельсон! Стриженный! Ничего общего с английским адмиралом! Точно подметила тетя Сирануш — уши у Паремузянов действительно оттопыренные.

Ну и что?! Кто там думает об ушах?!

— За двух цветов! — провозглашает замечательный толстый человек. Сам — мешковатый! Нос — шишковатый!.. — Чтобы до конца своих дней, — говорит он, — гордо стояли! Слово большой и маленький Масис*. За их родителей!.. Цитик! Друг! За тебя!

— Спасибо, Роланд, — важно поблагодарил со своего места дядя Ованес.

— Что такое «цитик»? — спрашиваю я у Нунки.

Она сидит ко мне спиной, жует кинзу и колбасу в лаваш завертывает.

— «Птенчик»! — отвечает Нунэ. — Так звали папу в детст... ТЫ ОТКУДА?! — ахает Нунка.

Так же ахают, увидев меня, мои родители, тетя Сирануш, но главное Мариам. Уж кто перепугался, так перепугался!

Ведь как получилось — все по плану папы.

Вернувшись из армии, Нельсон со своими родителями, с подарками, с Мариам, только без Арарата, — явился к дяде Ованесу и давай опять, как ни в чем не бывало, просить у него руки Мариам. В самый ответственный момент на сторону Паремузянов переметнулась и тетя Сирануш. Тогда дядя Ованес видит — дело серьезное — проявил великодушие и жениться разрешил!

В день свадьбы к ним домой за Нельсоном и Мариам приехала праздничная машина с куклой на капоте и обручальными кольцами на крыше. Но так как с одним и тем же человеком подряд два раза расписываться не разрешают, то они, оставив своих родителей встречать гостей, поехали не в ЗАГС, а к нам и к Арарату.

* Масис — гора Арарат.

Естественно, все это время Арарат находился на нелегальном положении. А вечером, когда народ отправился на свадьбу, меня оставили с ним сидеть! А что мне тоже охота раз в жизни на свадьбе погулять — до этого теперь никому нет дела.

Хорошо, явился Цуцульковский!..

— Все нормально! — говорю я Мариам. — Вон Лев с ним! Я только посмотреть и назад!..

А Мариам вдруг как встанет! Как поднимет свой бокал! И как жизнерадостно — объявит!

— У нас есть сын Арарат! За то, чтобы он был счастлив! И здоров!

Ух, какая наступила тишина! Только официанты на кухне переговариваются. И... ХР! ХР! ХР! ХР! — огромный дядя Ованес давай раскачивать черно-рыжими усами.

Головы гостей медленно поворачиваются в сторону дедушки Манаса. А он — в приталенном кителе с золотыми пуговицами — спрашивает:

— На вортэг э?

И это, конечно, на нервной почве, что я поняла его вопрос.

— Вот он! — отвечаю я дедушке Манасу и распахиваю оконные витражи. — С ним там мой друг, видите? Это Лев Цуцульковский.

Лев прохаживается перед памятником. Наверное, рассказывает Арарату, как это случилось, что Юрий Долгорукий основал Москву.

А в хромовых сапогах и в болотного цвета галифе к нему подходит дедушка Манас. Он забирает у Льва ребенка и... приветственно ему гугукает!.. Следом за своим папой бредет к Юрию Долгорукому директор овощного магазина Ованес Манасович Милитосян. За ними из кафе на площадь высыпает дзорагюхцы, схоторашенцы, москвичи, ереванцы!.. Теперь они все — по очереди — гугукают нашему Арарату.

— Нунэ, — вдруг слышу я голос Льва. Он уже сидит с ней за столом! — Я тебя искал... Я решил. Я на тебе женюсь.

— А вы когда меня полюбили? — хохочет Нунка.

— Загогулина! — говорю я сама себе. — Загогулина. Загогулина!..

Я беру со стола нож и разрезаю веревку на ногах у петуха!

Пусть всем будет хорошо. А не то, что у одних радость, а из других суп.

Тут мой папа надел на плечи аккордеон! И вместе с кларнетом и барабаном, с мамой и аккордеонистом запел песню «Любовь пожарника», единственную, какую умел:

День сегодня такой лучезарный!
Солнце в небе палит, словно жар!
Но не видит, не знает пожарный,
Что горит в моем сердце пожар.

И они ведь тоже кой-чего не видят и не знают.

Они не видят и не знают, что в эту самую минуту — по улице Горького! — по центральной улице Москвы — улепetyвает во все лопатки залетный свадебный схоторашенский петух.

ПУТЕШЕСТВИЯ „КОН-ТИКИ” ПРОДОЛЖАЮТСЯ

С учителем физкультуры им явно повезло. Олег Валентинович Маркин не только бегать и прыгать учил. Рассказывал о первопроходцах и путешественниках так, что заслушаешься. А потом принес книгу «Путешествие на «Кон-Тики» Тура Хейердала. Ее читали на переменах вслух и, замороженные, уже не могли оторваться...

«Мы сообщили собравшимся друзьям на английском и испанском языках, что плот будет назван «Кон-Тики», в честь великого предшественника индейцев-инков — царя-солнца, исчезнувшего из Перу полторы тысячи лет назад в направлении на запад и появившегося в Полинезии. Затем Герда Вулд с такой силой разбила кокосовый орех о нос плота, что брызги молока и скорлупа попали на головы стоявших вблизи людей...»

Сейчас уже не вспомнить, кто из ребят первый предложил построить плот. И не только построить, но и путешествовать на нем. Побежали к Олегу Валентиновичу. Говорили все сразу, перебивая друг друга и размахивая руками. Потом притихли в ожидании ответа, готовые тут же опять взорваться, доказывать, спорить... Но спорить не пришлось. Олега Валентиновича мысль о постройке плота увлекла ничуть не меньше их.

Так в 11-й школе Новосибирска появился клуб «Кон-Тики». В него объявили набор ребят, начиная с седьмого класса, — дело предстояло трудное, требующее серьезной физической подготовки, более младшим оно могло оказаться не под силу.

В первый же день пришло 200 человек. Олег Валентинович внимательно оглядел их и неожиданно сказал:

— Грош цена будет нашему клубу, если с сегодняшнего дня каждый из вас не начнет учиться лучше. Это условие первое и обязательное. Для всех, кто с ним справится, — условие второе: ежедневные утренние тренировки и сдача норм ГТО — желательно на золотой значок.

Посещаемость начинаем отмечать со второй четверти. Пропустил половину занятий — считай, что не ходил к нам вовсе.

И — последнее. Предстоит всерьез трудиться. И не только во время строительства и сборки плота, но и на субботниках, в подшефном детском саду, на фабрике «Родина».

200 человек задумались. На первую тренировку пришли уже не все. Кто-то ушел через неделю, не выдержав ежедневных подъемов в 6 утра, кто-то — через месяц, потому что не справлялся с учебой, кто-то

плаванью на плоту предпочел бассейн...

Олег Валентинович никого не удерживал. Осталось человек 30—40. Но это были те люди, на которых можно положиться. Саше Белоусову, Косте Печенкину, Ире Смагиной, Вале Бахтуровой, Наташе Брынской посчастливилось принять участие в самой первой экспедиции.

В экспедициях было решено вести дневник. Ребята ведут его и по сей день.

«Наша мечта о плавании на «Кон-Тики», многим казавшаяся пустой фантазией, сегодня сбылась!

Прошли на плоту по Оби, Обскому морю и реке Каракон.

В книжках путешественников часто подстерегают неожиданные и опасные приключения: встречи с индейцами, нападения коварных туземцев из племени людоедов, схватки с хищниками... Первое путешествие «Кон-Тики» тоже было отмечено приключением. У села Завьялово ненадолго пристали к берегу, где подверглись нападению стада коз. В течение пяти минут эти прожорливые чудовища лишили нас недельного запаса продуктов...

Конечно, мы и раньше знали о том, что Иссык-Куль — одно из красивейших высокогорных озер мира. Читали о том,

что на дне его целые луга экзотических водорослей, а вода — кристальной чистоты... Во время нашего перехода мы увидели все это своими глазами.

Неожиданно начался шторм. Плот накренился и затрещал. Приходилось, как амбразуру дота, прикрывать его надломленную часть своим телом, грести содранными в кровь руками, пить соленую воду...

Прошли Онегу, Свирь, Ладожское озеро. Выходим в Неву. Вот он — Ленинград... Вдоль гранитных парапетов тянутся разноцветные здания. Мы поразились тому, как они не похожи друг на друга и как красиво смотрятся все вместе.

С идущего навстречу теплохода слышится сердитый голос капитана: «Прошу всех покинуть левый борт!» Но это относится не к нам, а к сотне любопытных пассажиров, свесившихся вдоль борта, чтобы как следует рассмотреть наш плот.

Наконец подходим к крейсеру «Аврора». Каким маленьким кажется рядом с ним наш «Кон-Тики»! На набережной толпятся люди, машут нам руками, фотографируют... Да, такого необычного зрелища ленинградцы еще не видели.

После каждой экспедиции плот приходится делать прак-

тически заново. Счет ведется от плота, на котором плавал Хейердал. Так что наш первый «Кон-Тики» мы называли «Кон-Тики»-вторым.

Протяженность нового нашего маршрута будет рекордной: от Ростова-на-Дону, по Азовскому и Черному морям до Новороссийска. Каждый день — шесть часов работы по постройке плота. Началась и специальная подготовка — в экипажах были назначены штурманы, медики, ремонтники, радисты. Им нужно до начала плавания овладеть основами своих специальностей. Впереди самое настоящее, открытое море...

От устья Дона до Ростова всего сорок километров. Мимо то и дело проходят суда. Они, как равного, приветствуют «Кон-Тики» гудками. Мы отвечаем пронзительной сиреной.

С туристских теплоходов нам на борт бросают «бутылочную почту». Правда, несколько таких посланий мы так и не прочитали — они уплыли в Азовское море.

Берега расступились как-то неожиданно, перестало ощу-

У памятника Гачанке

щаться течение. Кто-то зачерпнул воды, попробовал на вкус:

— Ребята, да она соленая! Мы вышли в море! Ура!

...Испытания не заставили себя ждать. Началась качка. Такая, что не было возможности приготовить обед. Вместо него — плитка шоколада на четверых. Тогда Володя Коваленко взял в руки гитару и запел. К нему присоединились остальные.

Здесь вам не равнина,
Здесь климат иной.
Идут лавины одна
За одной...

Пели, пока не кончился шторм. Пели шесть часов подряд.

Поезд из Симферополя подходит к станции. Родители ждут, волнуются. И вот появляемся мы, загорелые, веселые, по ступенькам спускаемся с песней, которую отрепетировали в пути. Нас тут же расхватывают, целуют, обнимают наши родные. Начинаются расспросы о том, где мы были и что видели? Трудно ли нам было?

Но о трудностях мы молчим. Могут в следующий раз не отпустить в экспедицию...

Путешествуя по Волге, побывали в Астраханском кремле, на заводе, где строятся крупнейшие в стране глубоководные бурильные установки «Шельф».

...Лотос — растение древнее, но мало кому приходилось видеть его цветение. Нам повезло — мы видели это в Астраханском заповеднике.

В прошлом году клубу «Кон-Тики» исполнилось десять лет.

Конечно, все эти годы мальчишки и девчонки мечтали о встрече с Туром Хейердалом. Написать ему письмо решились только после четвертого плавания «Кон-Тики»-младшего. Знаменитого путешественника просили стать Почетным президентом клуба.

И получили ответ! На цветной открытке с изображением известного всему миру плота по-английски было написано: «Благодарю за ваше письмо. Я буду очень рад стать Почетным президентом вашего клуба. С наилучшими пожеланиями Тур Хейердал». Переписка продолжается и сейчас.

А недавно из города Осло им прислали в подарок два макета — папирусной лодки «Ра» и плота «Кон-Тики», которые станут экспонатами школьного музея.

Когда-то в «Кон-Тики» принимали ребят не моложе седьмого класса. Сейчас полноправными членами клуба стали шестиклассники, такие, как Света Карькина, Наташа Голова, Алеша Пиманов и Паша Домнин. В этом году сюда пришли Вася Чуйков, Аня Егорушкова и другие. Они учатся в четвертом.

«Скоро будем брать и первоклассников, — абсолютно серьезно заявляет Олег Валентинович. — Многие не верят в то, что малыши смогут ходить в экспедиции. Но ведь в то, что мы построим наш «Кон-Тики» и будем путешествовать на нем, поначалу тоже не верили...»

Н. МИХАЙЛОВА

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ели темные спят,
И ребята все спят.
Только ты один не спишь,
Засыпай скорей, малыш!

Мама бедная не спит,
У окна всю ночь стоит,
Всё тебя качает,
Песни напевает.

Вера Федорова,
Ленинград

Рисунки Е. Каменской

ОКОП

Бурьяном и травой
Лесной окоп зарос.
Кивает головою
Ему семья берез.

Он здесь расположился
Совсем не просто так —
Когда-то здесь он видел
Коварный вражий танк...

Быть может, майским утром,
А может, в снегопад
Сражался здесь отважно
Советский наш солдат.

За то, чтоб мирно жили,
Учились и росли
И счастливы чтоб были
Все дети всей земли.

...Бурьяном и травой
Лесной окоп зарос.
И пусть не видит горя
Вон та семья берез.

Наташа Балаханова,
Орша

БРАТН

ЖУРНАЛ
ЮНКРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ.
СТИХИ.
РИСУНКИ

Революционный держим шаг!

МЫ НА МАРШЕ

Музей пионерской печати создан в 147-й харьковской школе. В витринах — первые номера «Юного пролетария», «Пионерской правды», «Пионера» и других газет и журналов, начавших выходить в нашей стране после Великого Октября.

«Сегодня — юные умельцы, завтра — новаторы производства!» — под таким девизом проходит Праздник труда в 1-й небит-дагской школе имени Пушкина (Туркмения). Юные токари, фрезеровщики, электрики, операторы демонстрируют трудовые навыки и знание различных производственных процессов.

Первый в области школьный учебный телецентр начал действовать в 1-й курской средней школе.

ПАМЯТЬ НАШЕГО ДОМА

Лучший мой снимок — вот этот: моя бабушка. Ее зовут Прасковья Ивановна Хлапанина. Она родилась еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Она вырастила 9 детей, у нее сейчас 18 внуков. Она всегда работала. А цветы мы подарили ей 5 ноября в день ее рождения. Я очень люблю свою бабушку.

Сергея Клепалев,
Село Поповка,
Воронежская область

Я хочу рассказать о моем дедушке Павле Никифоровиче. Родился он в Псковской области за два года до Октябрьской революции. Семья была большая, и жили трудно. Дедушка ходил в школу за шесть километров через лес. И в снег, и в дождь. Закончил семь классов и сразу стал работать.

Двадцатилетним юношей дедушка поступил в Ленинградское военно-политическое училище. В войну он командовал танковой ротой. Воевал под Лугой, участвовал в прорыве блокады Ленинграда. В его роте служил 14-летний мальчик. Дедушка часто нам рассказывал об этом мальчике. При этом голос его немного дрожал, он всегда волновался, говорил: какое страшное время — война, если дети нужны были брать в руки оружие. И многие из них погибали.

Мила Малярова,
4-а класс, школа № 158,
Ленинград

Наш отряд отправился в поход по Ленинским местам города. Маршрутом нашего похода мы избрали путь, по которому 3 апреля 1917 года Владимир Ильич после своего знаменитого выступления на броневике перед тысячами питерских рабочих, солдат и матросов направился во дворец Кшесинской. В этом дворце до июля 1917 года находился штаб большевистской партии.

За несколько недель до похода изучали материалы об улицах, по которым пролегал наш маршрут, выбрали экскурсоводов. Это были пионеры нашего отряда.

На Финляндском вокзале мы осмотрели паровоз № 293, на котором Ленин возвратился в Петроград. От площади Ленина пошли по улице Академика Лебедева, потом — к Боткинской улице. Затем — по Финляндскому проспекту и вышли на мост Свободы. Завершили мы свой поход экскурсией в Музей революции. Экскурсия всем очень понравилась. Мы поняли, что нам нужно еще глубже изучать историю родного города — города трех революций.

Гера Сергеев,
4-6 класс, школа № 222,
Ленинград

Первый раз я была в Советском Союзе в 1982 году. Меня вместе с другими ребятами из Хайфона направили в пионерский лагерь «Океан» под Владивостоком. Именно тогда я и решила выучить русский язык. Мне очень помог конкурс для школьников, который ежегодно проводится во Вьетнаме. Объясняется задание, и желающие участвовать в нем к определенному дню направляют свои ответы в Ханой. С первой попытки я за-

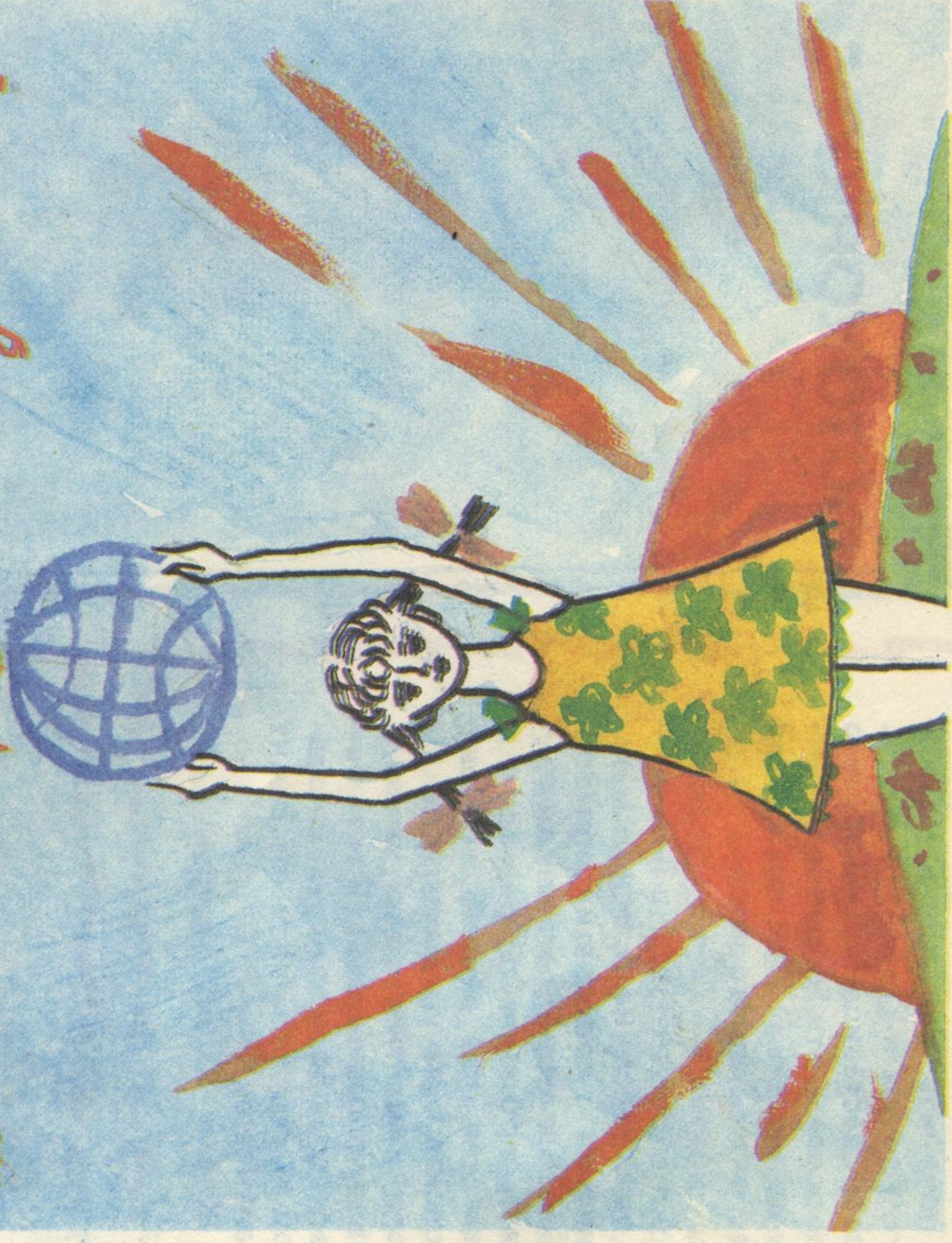
няла третье место, а потом первое.

В прошлом году я снова приехала в СССР — на XII Всемирный фестиваль. Мне было поручено рассказать сверстникам о нашей школе, о том, как наш класс одним из первых в Хайфоне получил звание социалистического коллектива. Мы шефствуем над пожилыми людьми в микрорайоне, помогаем семьям бойцов, погибших за независимость Вьетнама, дружим с воинами.

Сейчас я перешла в 12 класс. После школы буду поступать в Ханойский институт иностранных языков — хочу стать филологом-русистом.

Хонг Ха,
Социалистическая Республика
Вьетнам

Дадим шар земной детям!

УТРО ПЛАНЕТЫ

Лена Кречетова, поселок Каз. Кемеровская область

Возле нашего дома протекает арык. Чего в нем только нет — железо, бутылки, палки!.. Когда арык пересыхает, весь этот хлам выходит наружу. Но самое неприятное, что за порядком следить некому. В нашем городе нет «зеленых патрулей», а юннатская станция — одно лишь название: два домика наподобие сараев, да разрушенные теплицы. Получается, что у нас в городе нет работы по юннатству.

Света Мартынова,
Чимкент
Казахской ССР

„БАРАБАЛУ“ ОТВЕЧАЮТ

По письму юнкора Светланы Мартыновой Чимкентским областным комитетом ЛКСМ проведена проверка юннатской работы в Энбекшинском районе города. В настоящее время проводится капитальный ремонт станции юных натуралистов. А в школе № 40, где учится Света, организован отряд «зеленых патрулей». И теперь таких отрядов у нас в городе стало тридцать.

Секретарь обкома ЛКСМ Казахстана
Г. АТЕМОВА

Во 2-м выпуске «Барабана» шестиклассник Иван Ткаченко из Якутии предложил делать на уроках труда простую мебель для жителей новых северных городов и поселков. С этим предложением спорит Марина Оладийникова из города Киржач.

«Я внимательно прочитала заметку Ивана Ткаченко и с ним решительно не согласна! Ну какую мебель могут сделать мальчишки? Такую, что развалится через день. У нас в классе стулья, например, как маятники, качаются, стены на одном гвозде еле держатся, да и парты не лучше,

а починить мальчишки не могут. Где уж им делать мебель. Разве заставишь? Думаю, что новоселам эти хилые табуретки да вешалки на одном гвозде не очень пригодятся».

Итак, Марина бросила мальчишкам настоящий вызов. «Барабан» предлагает вам, ребята, продолжить разговор о качестве тех вещей, которые делаются на уроках труда. От кого и от чего оно зависит? От преподавателя? От технического оборудования школьной мастерской? Или от самих мальчишек?

Ждем ваших писем!

ПЯТИЛЕТКА В КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

Совет дружины объявил субботник по сбору металлолома. Задание отряду — собрать 750 килограммов. Наш пятый класс решил принять в субботнике самое активное участие. На другой день мы взвесили свой металлолом, и получилось 570 килограммов. Я принял решение продолжать работу, и ребята меня поддержали. Мы работали с трех часов до восьми. Таких ребят, кто не хотел работать, не было. Мы до вечера навозили на трех те-

лежках 843 килограмма. Вместе стало 1413. Отряд занял первое место по школе. В понедельник на линейке нас поблагодарили за хорошие результаты.

Деньги за собранные всей школой 14 тонн металлолома будут перечислены в фонд строительства краеведческого музея-библиотеки в селе Ольшанке.

Иван Швец,
село Жабокрич,
Винницкая область

ФОТОКОНКУРС

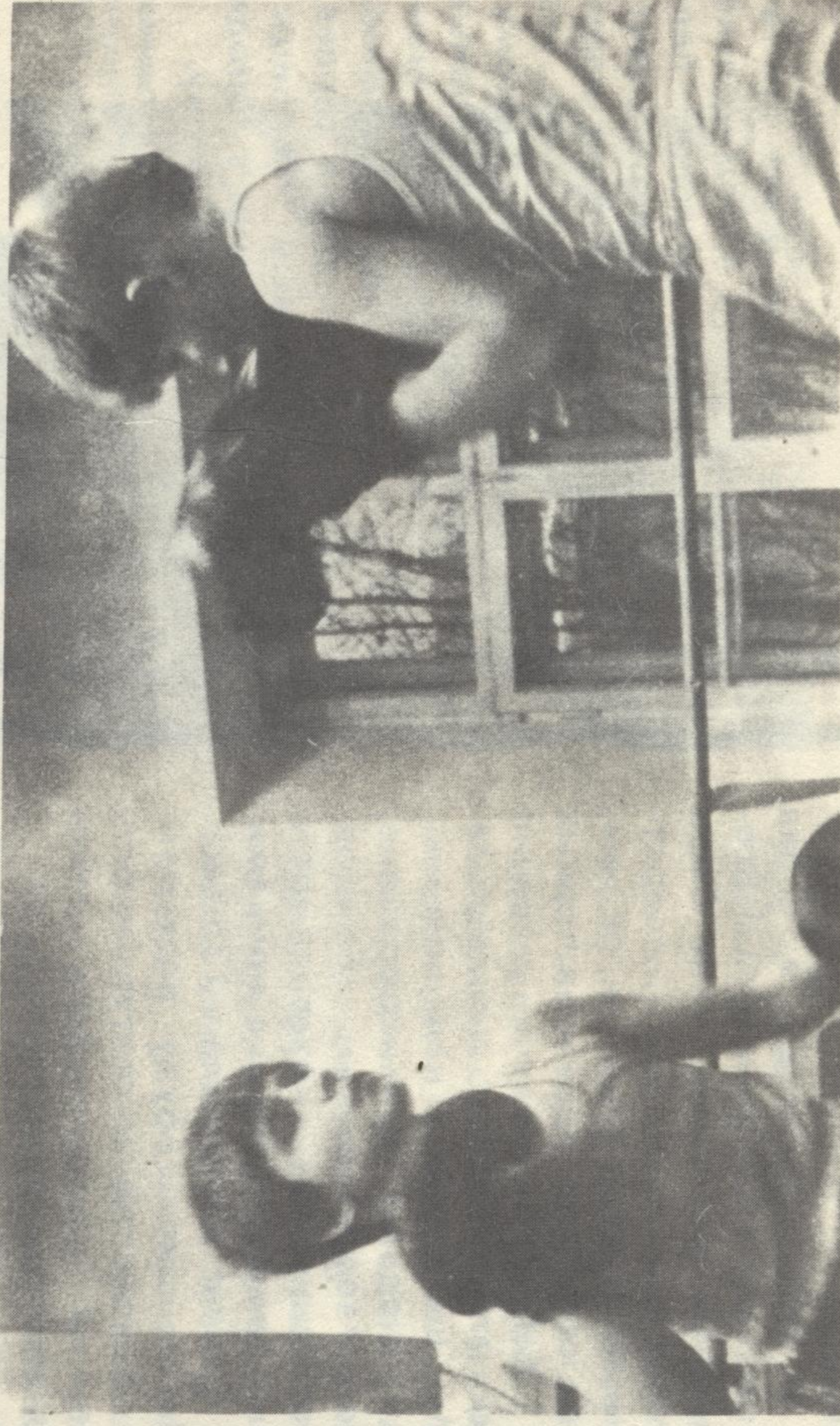

УКРОТИТЕЛЬНИЦА
Лена Золотовская,
Владивосток

ХОР

Володя Ильин, Павлодар

ПЕРЕД АТАКОЙ

Роман Глинский, Ленинград

«Барaban» знакомит вас, ребята, со стихами киевского школьника Дениса Котельникова.

телеграммы

Слова различных телеграмм,
Они летят по проводам,
Целуют, просят, поздравляют
И о беде оповещают.

Они летели так когда-то,
Когда матросы и солдаты
Установили власть народа.
Слова тогда в эфир лились,
Известьем наполняя высь:
«В России, наконец, свобода!»

* * *

Стихи написать я такие
Хочу, чтобы все на планете —
И маленькие, и большие —
Читали стихи мои эти.

Чтоб в сердце стихи зажигали
Стремленья к борьбе справедливой
И чтобы людей поднимали
На буржуинов ленивых.

ГОРНОЛЫЖНИК

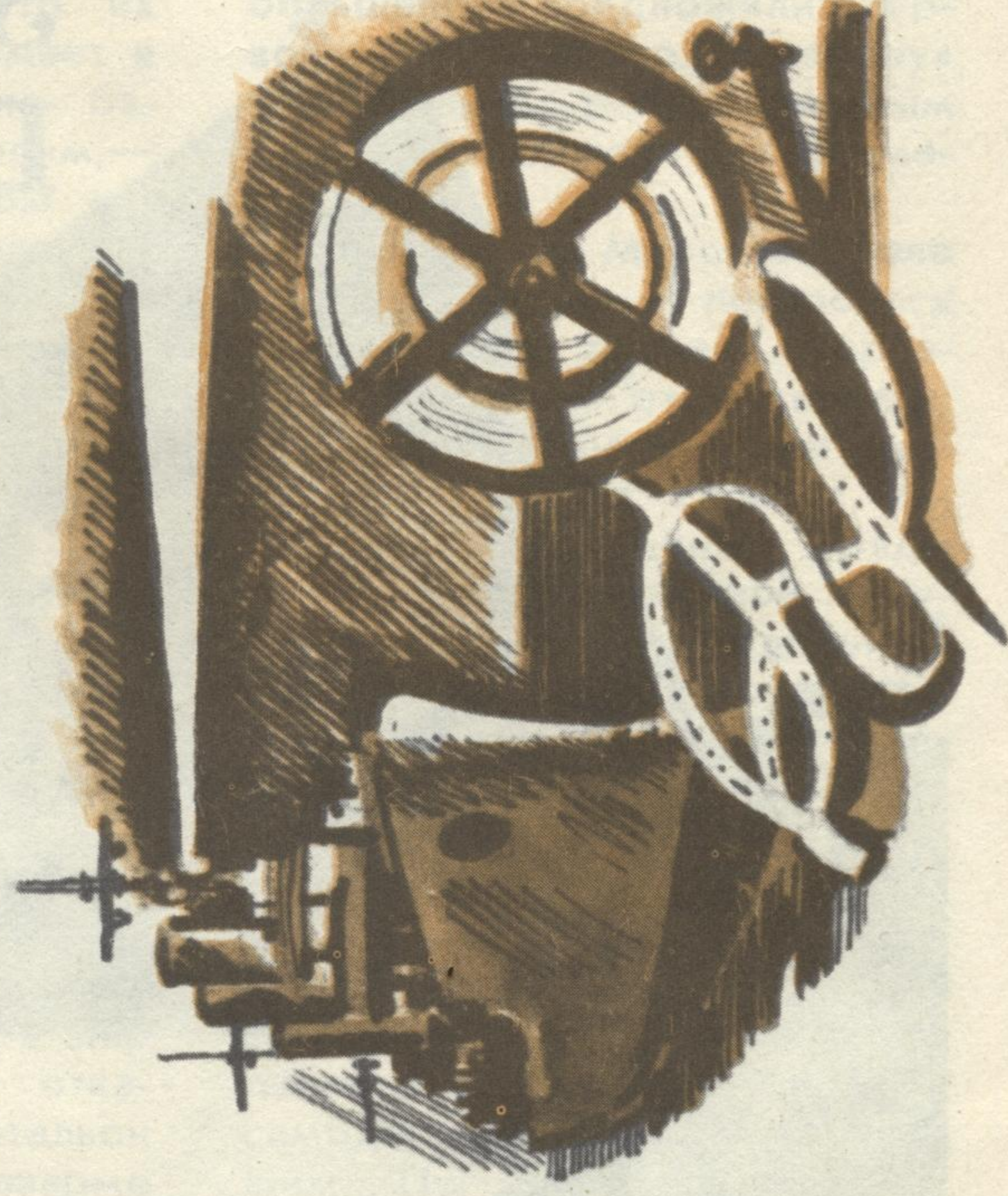
САЛЮТ УВАЖЕННЫЕ!

У нас в школе работает Пушкинский литературный клуб «Элегия». Руководит им учительница русского языка и литературы Любовь Афанасьевна Румянцева. Группы фотографов и художников отвечают за оформление клуба, делают альбомы для нашего музея. Танцевальная группа открывает каждый наш праздничный вечер полонезом, вокальная — разучивает и исполняет романсы на стихи Пушкина. Мы часто встречаемся с поэтами, писателями, много ездим по местам, связанным с именем Пушкина.

Часто бываем в Пушкинских Горах. Семен Степанович Гейченко — наш давний и добрый друг. В день открытия клуба мы получили от него телеграмму, которую бережно храним в одном из альбомов. Вот она: «Дорогие строители Пушкинского клуба! Клуб — это прекрасно. Пусть в нем звучит поэзия, музыка, добрые слова дружбы, светлое имя Пушкина. Низко вам кланяюсь. Гейченко из Пушкиногорья».

Совет Пушкинского
литературного клуба,
школа № 15,
Псков

Лена Перкова, Москва

ЗНАМЯ ПОЛКА

Братский союз рабочих и солдатъ.
Обмѣнъ знаменъ Путиловцевъ и Павловцевъ 1-Х 1917г.
Представителя Путиловцы у своего знамени.

Уютно расположившись в кресле одного из залов Музея революции, я придвинул к себе старинную массивную книгу и не успел открыть, как вдруг из нее выпала пожелтевшая фотография. Перед строем солдат-знаменосец, рядом стоят рабочие, тоже со знаменем. Внизу подпись: «Вручение знамени путиловскими рабочими Павловскому полку». Переворачиваю фотографию и читаю написанные карандашом стихи: Люблю воинственную живость Потешных Марсовых полей...

...Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.

Да ведь это Пушкин!

А что это за знамя, которое вручают рабочие? Ведь, кажется, полк был одним из самых надежных и преданных царю? Надо разобраться.

Легче всего оказалось с пушкинскими строками: да ведь они из «Медного всадника» и действительно относились к Павловскому полку! Открываю книгу «История Павловского полка», ту самую, из которой выпала фотография, и читаю. В 1796 году из лучших батальонов составлен Павловский гренадерский полк. Его набирали из самых стойких, сильных, храбрых, опытных в военном деле и дисциплинированных солдат. Все эти качества наиболее полно проявились в войне 1807 года, когда русская армия шла на помощь Пруссии, захваченной Наполеоном.

Первые три часа сражения под Эйлау несколько сот орудий сотрясали воздух. Гранаты, ядра вырывали целые ряды из шеренг павловцев,

взрывали красный от крови снег вокруг них. Солдаты, смыкая шеренги, непоколебимо стояли под убийственным огнем. Показались наступающие французы. Несколько полков русской армии бросились в штыки. Павловский полк ударил противнику во фланг. И опрокинул его. Но вот уже на русских плотной тучей, сверкая вытянутыми вперед палашами, несутся 60 эскадронов кавалерии. Ни ружейный огонь, ни штыки не смогли их остановить. Первая линия прорвана, но от второй, где стояло оцетинившееся штыками каре павловцев, французы откатились.

Впоследствии Наполеон говорил: «Если я назвал себя победителем под Эйлау, то это потому только, что русским угодно было отступить». Эти слова относились и к павловцам.

Через несколько месяцев их медные, простреленные шапки видели под Фридландом, когда павловцы отражали атаки врага. Они прославились во всех сражениях, и вскоре после окончания войны последовал указ Александра:

«Повелеваю, чтоб в почесть онаго полка ныне состоящие в нем шапки оставить в нем в том виде, в каком сошел он с места сражения, хотя б некоторые из них были повреждены; да пребудут они всегда памятником отменной его храбрости...»

Об этих шапках с медным щитком и писал Пушкин.

За стойкость и мужество в войнах с Наполеоном полк был переведен в гвардию. Красный лацкан украсил мундиры солдат.

Переведенный в Петербург, на Марсово поле, куда выходил фасад казарм, полк стал непременным участником всех парадов. Служить в нем стало престижно, выгодно и постепенно офицерский состав стал состоять из высшего дворянства. Вот почему я удивился, увидев фотографию. Где же узнать об этом знамени?

— В 1917 году в Петрограде находился запасной батальон Павловского полка,— рас-

сказал мне сотрудник музея.— Мировая война изменила его социальный состав. Народу не хватало, и ряды батальона пополнялись и разорившимися крестьянами и рабочими с известных своими стачками заводов. Большинство солдат попало туда после ранения, и, испытав на себе тяжесть фронтовой жизни, они были настроены против войны и самодержавия.

17 февраля на Путиловском заводе началась забастовка. Через несколько дней она охватила уже весь город. Полиция не справлялась. Генерал Хабалов вывел часть войск на улицы, отдав приказ: «Стрелять!»

26 февраля к павловским казармам подбегали взволно-

ванные рабочие и что-то горячо рассказывали часовым. Весть о том, что происходит расстрел рабочих и что их учебная команда принимает в этом участие, облетела батальон. «Мы не позволим,— заявили солдаты,— чтобы наши белые петлицы были замараны кровью братьев-рабочих». Наиболее революционно настроенная 4-я рота кинулась к цейхгаузу, разобрала винтовки и побежала к Невскому проспекту на помощь рабочим. На Екатерининском канале им преградил дорогу отряд конной полиции. И тут прогремели выстрелы, первые выстрелы революции, сделанные первыми революционными солдатами.

Восставших окружил Преображенский полк, еще преданный властям, но атаковать знаменитых павловцев он отказался. Лишь ночью батальон удалось запереть в казарме и разоружить, 19 зачинщиков отвели в Петропавловскую крепость. Угрюмый тюремщик, захлопывая тяжелую дверь, пообещал утром прийти и, нехорошо ухмыльнувшись, добавил, что в последний раз. Утром их ждал расстрел. Никто не спал в эту ночь. Небо за решеткой уже посветлело. Наконец, послышался шум: топот сапог, крики. Шум ближе, с грохотом открывается дверь. Неужели это ненавистные тюремщики? Нет, это свои солдаты-павловцы и с ними рабочие-путиловцы! В городе революция — рабочие с солдатами, перешедшими на сторону народа, открыли ворота

тюрьмы и освободили своих товарищей.

После июльских событий большевики предложили «первому заводу-революционеру» и «первым революционным солдатам» обменяться знаменами.

1 октября на Марсовом поле перед казармами построился полк. Старые знамена с орлами на этот раз отсутствовали, их должно было заменить новое знамя. Под стрекот киноаппарата стройные ряды ожидали торжественной минуты, когда на самодельную трибуну взойдет оратор.

— Дорогие товарищи павловцы! В знак нашего священного союза... мы, рабочие Путиловского завода, вручаем вам наше знамя. Пусть оно всегда и непоколебимо свидетельствует, что священный союз рабочих и солдат, сваливших самодержавие, — нерасторжим. Пусть начертанные на нем наши общие лозунги «Да здравствует Интернационал!», «Да здравствует социализм!» будут гореть ярким пламенем в наших сердцах... — произнес представитель завода и вручил солдатам алый стяг.

Почти через месяц знамя приняло боевое крещение. По Миллионной улице пронесли павловцы свое красное знамя и с ним, под выстрелы юнкеров, ворвались в Зимний дворец.

В начале 1918 года полк, как все воинские части старой армии, был расформирован, знамя сдали в музей.

Вот какую историю поведала мне старая фотография.

Д. БЕЛОУСОВ

ВСЕ ЛЕТО В ОДНОМ ДНЕ

Рэй БРЭДБЕРИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рисунок А. Ивашенцовой

— Готовы?

— Готовы.

— Пора?

— Еще нет.

— А ученые не ошиблись? Именно сегодня это произойдет, а?

— Ты лучше смотри, сам все увидишь.

Дети жались друг к другу, как цветы в букете, много цветов, сорванных прямо с травой, из которой они тянут головки, чтобы бросить взгляд на спрятанное солнце.

Шел дождь.

Он шел семь лет подряд; тысячи и тысячи дней были заполнены, затоплены дождем от первого часа до последнего; вода барабанит и хлещет, ливни обрушиваются с ломким стеклянным звоном, бури сотрясают землю, гулко и мощно, как будто это приливные волны поглощают острова. Тысячи лесов погибли под дождем и тысячи новых выросли заново, чтобы снова погибнуть. Такой была жизнь, всегда было так в этом дождливом мире, а это был школьный класс, а они — дети тех людей, что прилетели в ракетах, чтобы основать цивилизацию и прожить свою жизнь.

— Смотри, он кончается!

— Точно!

Марго стояла в стороне от всех, от этих людей, которые не помнили ни одного дня, когда бы не шел дождь.

Им всем было по девять лет, и хотя семь лет назад случилось, что солнце появилось на один час, показало свое лицо потрясенной планете, все равно они не могли помнить этого. Иногда по ночам Марго слышала, как они ворочались, какие-то воспоминания мучили их, она знала, что им снились сны, им мерещилось золото, или желтый карандаш, или монета, такая огромная, что на нее можно было бы купить все на свете. Им представлялось, что как будто они помнят какое-то тепло, словно у них легкий жар в теле, в ногах, в дрожащих руках, словно у них лицо покрывается застенчивым румянцем; она об этом догадывалась. Но потом они просыпались, и как всегда, слышали неумолчную барабанную дробь капель, и видели, как на крышу, на дорожку, на сад, на леса стряхиваются с неба бесконечные нити бесцветных бусинок, и сны исчезали.

Весь вчерашний день в классе они читали о солнце. О том, что оно похоже на лимон, и какое оно горячее. И еще они писали о нем рассказы, стихи и заметки.

Мне кажется, солнце — оно как цветок,
Цветенье которого длится часок.

Марго написала это стихотворение, она прочитала его негромко в тишине классной комнаты, в то время как за окном шел дождь.

— Это не твое! — выкрикнул один из мальчишек.

— Мое, — сказала Марго. — Я написала.

— Вильям! — сделала замечание учительница. Но это было вчера. Теперь дождь стихал, и дети столпились у больших окон.

— Где учительница?

— Скоро вернется.

— Скорей бы пришла, а то мы опоздаем!

Марго стояла одна. Она была очень хрупкой девочкой, у нее был такой вид, как будто ее оставили под дождем много лет назад и дождь вымыл синеву из ее глаз, губы поблекли, потускнело золото волос. Теперь она стояла отдельно, уставившись на дождь, на шумный сырой мир по ту сторону толстого стекла.

— А ты куда смотришь? — сказал Вильям.

Марго промолчала.

— Отвечай, когда к тебе обращаются. — Он пихнул ее. Она не сдвинулась с места, разве только качнулась от его толчка.

Они не желали смотреть в ее сторону. И это потому, что она не участвовала в их играх в гулких тоннелях подземного города. Если ее дергали и убегали, она смотрела, моргая, вслед, но не бросалась вдогонку. Когда весь класс пел песни о счастье, о жизни, играх, ее губы едва шевелились. Только когда они пели о солнце и лете, ее губы начинали двигаться, в то время как она смотрела на окна, залитые дождем.

А самым большим преступлением было, конечно, то, что она прилетела сюда с Земли всего пять лет назад и помнила солнце, каким было солнце и каким небо, когда ей было четыре года и она жила в Огайо. А они, они прожили на планете всю свою жизнь, им было всего два года, когда солнце показывалось в последний раз и с тех пор они забыли его цвет и тепло и вообще как оно выглядело. А Марго помнила.

— Оно как монета, — она сказала однажды, с закрытыми глазами.

— Неправда! — закричали дети.

— Оно как огонь в печке, — она сказала.

— Ты врешь, ты не помнишь! — закричали дети.

Но она все помнила и стояла тихо в стороне от всех и смотрела, как дождевые струйки покрывают узором оконное стекло. Один раз, месяц назад, она отказалась мыться в школьной душевой, обхватила голову руками, зажала уши, закричав, что не надо лить воду ей на голову. И после этого случая у нее появилось смутное, неясное ощущение, что она не такая, и они видели это отличие и сторонились ее.

Шли разговоры, что отец и мать собирались увезти ее обратно на Землю в будущем году; похоже, что Марго было важнее всего в жизни вернуться, хотя возвращение означало, что ее семья потеряет несколько тысяч долларов.

— Убирайся! Можешь стоять где-нибудь в другом месте! — закричал яростно мальчишка. — Все равно ничего не увидишь!

Ее губы дрогнули.

— Ничего! — он кричал. — Это была шутка, так ведь? — он обращался к другим детям. — Ничего не случится сегодня, скажите ей!

Они моргали, не понимая, а затем, сообразив, засмеялись.

— Ничего не будет!

— А как же... — Марго прошептала растерянно. — Но ведь именно в этот день, ученые предсказывают, они говорят, они ведь знают, солнце...

— Это шутка! — сказал мальчишка. — Эй, ребята, давайте засунем ее в шкаф, пока учительница не вернулась!

— Не надо! — Марго отшатнулась.

Они обступили ее, схватили, она заплакала, сопротивляясь, но ее увлекли в тоннель, в класс, в стенной шкаф, дверцу которого они захлопнули и замкнули. Они стояли и смотрели, как шкаф вздрагивал оттого, что Марго билась и наваливалась на дверцу изнутри. Они слышали ее приглушенный плач. Затем, улыбаясь, они отвернулись и вышли, вернулись обратно через тоннель, как раз когда появилась учительница.

— Все готовы? — она взглянула на часы.

— Готовы! — ответили дети.

— Все здесь?

— Все!

Было видно, что дождь кончается.

Они толпились у огромного люка.

Дождь кончился.

Все было так, как будто в середине фильма про ураган, лавину, смерч, про извержения вулкана что-то произошло сначала со звуком, шум приглушился, а в конце концов совсем исчез, все

эти сотрясения, порывы ветра и раскаты грома пропали, а затем, следом, пленку вырвало из проектора и на ее место был вставлен мирный, тропический кадр, на котором ничего не двигалось и не сотрясалось. Тишина была такой громадной и невероятной, что казалось, вам заткнули уши ватой или вы совсем потеряли слух. Дети стояли отдельно друг от друга. Люк открылся мягко и запах молчаливого, ждущего мира ворвался к ним.

Выглянуло солнце.

Оно сверкало как бронза, оно было очень большим. А небо вокруг него сияло, как голубой кафель. Джунгли блестели в солнечном свете, и дети, освободившись от наваждения, бросились, крича, наружу, окунулись в весну.

— Внимание, только далеко не уходить! — предупредила учительница. — Запомните, у вас всего два часа!..

Но они бежали, поднимая лица к небу, солнце касалось щек, как теплый металл; они сбрасывали куртки, пусть солнце обожжет им руки.

— Это лучше, чем солнечные лампы, в тысячу раз!

— Лучше, намного лучше!

Они остановились посреди густых джунглей, которые покрывали планету, которые росли и не переставали буйно разрастаться прямо у вас на глазах. Это было гнездо осьминогов; новые мясистые побеги, сплетаясь, торчали пучком наподобие огромных щупалец, раскачиваясь, распускаясь в эту скоротечную весну. По цвету они были, как резина, как пепел, эти джунгли, из-за того, что много лет не видели солнца. Они были

по цвету, как камни, как молочный сыр и чернила, они были лунного цвета.

Дети разлеглись на лесных перинах, слушая, как джунгли вздыхают, поскрипывают под ними, упругие и живые. Дети бегали среди деревьев, они скользили и падали, они толкались, играли в прятки и догонялки, но больше всего они смотрели на солнце, пока слезы не начинали течь по щекам, они протягивали руки к этой желтизне и слушали, не уставая, тишину, погружаясь в благословенное море беззвучия и покоя. Потом, громко вскрикнув, словно зверьки, покинувшие свои норы, они бегали и бегали радостными кругами. Они бегали целый час и не уставали.

Но затем...

Посреди всеобщей беготни одна девочка вдруг издала жалобный крик.

Все остановились.

Девочка протянула руку.

— Смотрите сюда, — она сказала, дрожа.

Они подошли медленно к ней, чтобы взглянуть на ее протянутую ладонь.

Ладонь, сжатая чашечкой, хранила в себе огромную одинокую дождевую каплю.

Девочка заплакала.

Они посмотрели на небо.

— Еще. И еще.

И еще несколько холодных капель упало на их лица. Солнце подернулось молочной дымкой. Повеяло прохладным ветром. Они повернули и пошли обратно к подземному дому.

Дальний гром заставил их вздрогнуть и, словно листья перед новым ураганом, они смешались, натываясь друг на друга, и побежали. Молния ударила в десяти милях от них, потом в пяти милях, в миле, в полумиле. В одну секунду небо потемнело до полуночной тьмы.

Они остановились на мгновение на пороге своего подземелья, пока дождь не обрушился в полную силу. Затем они задвинули люк и прислушались к шуму гигантского дождя.

— Неужели придется ждать еще целых семь лет?

— Да, семь.

Вдруг один из них вскрикнул негромко:

— Марго!

— Что?

— Она все еще в том шкафу, где мы ее заперли.

— Марго...

Они посмотрели друг на друга и опустили глаза. Их лица побледнели, стали серьезными.

— Марго.

Одна из девочек сказала:

— Что же...

Никто не шевельнулся.

— Пошли, — прошептала девочка.

Они спустились в коридор под звуки дождя. Молния осветила их лица. Они медленно подошли к запертому шкафу.

Ни звука не раздавалось из-за дверцы.

Еще медленнее они отомкнули дверцу и выпустили Марго.

К 275-летию со дня рождения

Михайло Васильевич Ломоносов

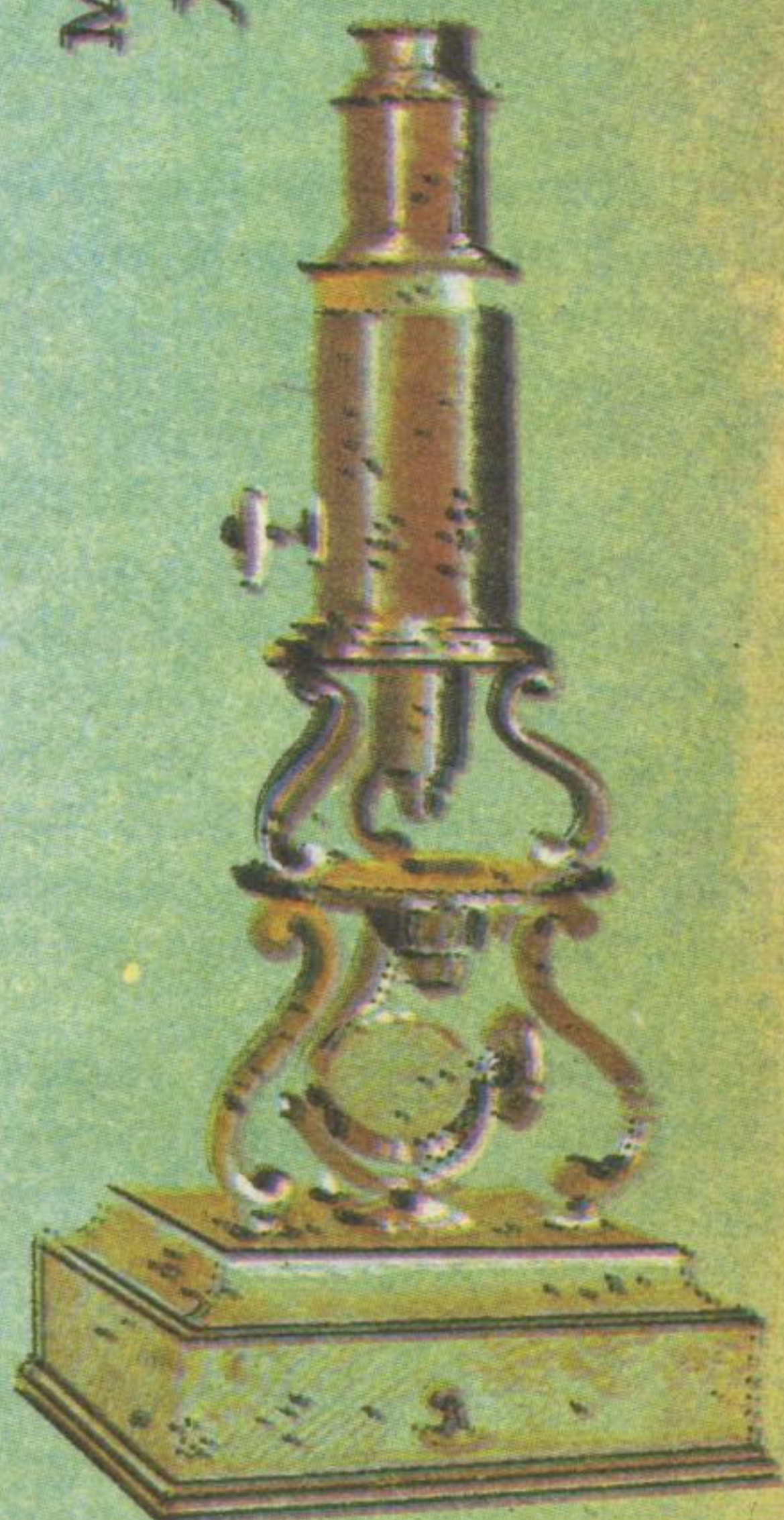
Зимой 1730 года из деревни Денисовки Куростровской волости Архангельской губернии ушел крестьянин, совсем еще молодой парень, сын Василия Ломоносова. Его искали несколько дней, но не нашли. Сначала думали — погиб, но потом выяснилось, что Михайло, так его звали, занял у соседа три рубля денег и тулуп. Тогда вспомнили, что накануне его исчезновения через деревню проходил обоз с мороженой рыбой, который направлялся в Москву. Дело было ясное — убежал. Теперь в подушном списке против его имени появилась приписка «в бегах». Это означало, что подать за непутевого Михайлу Ломоносова будет ежегодно выплачивать отец, а если отец умрет, то село «всем миром».

А чего было ему бежать? Михайло был единственным сыном зажиточного крестьянина: у Василия Ломоносова была пахотная земля, был рыбный промысел — он первым во всей округе освоил и по-европейски оснастил галиот и прозвал его «Чайка» (об этом рассказывает академическая биография Ломоносова XVIII века). Все накопленное отцом перешло бы к сыну, Михайле подыскивали уже богатую невесту. А он убежал. Ушел от реальной возможности стать первым на селе человеком, крепким домохозяином. Почему же так случилось?

Ответ на это простой и одновременно сложный. Михайло Васильевич Ломоносов хотел учиться. А ведь он был помором, родился на севере. Русский Север был в те времена поистине удивительным краем. Здесь, на берегах Белого моря и Северной Двины, жили сильные, предприимчивые люди, привыкшие к тяжелому труду, и одновременно свободные и независимые. Они не знали крепостного права, считались подданными государства. Сурова была их жизнь — короткое лето сменяла долгая холодная зима. Но многие из этих людей добирались до Архангельска и Москвы, плавали к берегам Норвегии, на Шпицберген, часто встречались между ними грамотные люди. Суровая природа, высокая

Сокращенный перевод с английского
Константина ВАСИЛЬЕВА

МИКРОСКОП
XVIII в.

1711 г. — 1765 г.

АРМИЛЯРНАЯ
СФЕРА
XVIII в.

культура и активная хозяйственная жизнь — вот что отличало родину Ломоносова. И свое удивительное упорство, редкостное трудолюбие, а с другой стороны гордость и независимость — все эти качества характера Михайло Васильевич вынес с берегов Северной Двины.

Но и среди поморов Михайло, сын Василия Ломоносова, отличался какой-то уж совсем безудержной страстью к учению. А ведь грамоте он начал учиться довольно поздно, только лет в двенадцать. К этому времени он уже освоил рыбный промысел, ходил с отцом на «Чайке» в Белое море. Но дивное устройство окружающей природы волновало его. Отчего бывает северное сияние? Почему сверкает молния? Что скрывается в недрах земли? Чтобы узнать все это, надо было учиться. И вот Михайло читает по складам в доме местного дьяка, жаль только, что все книги у того церковные: Часослов да Псалтырь. Однажды сосед Ломоносовых Христофор Дудин привез своим трем сыновьям книги: «Грамматику» и «Арифметику». Это было настоящее событие в жизни юного Ломоносова. Сначала соседи, несмотря на слезные просьбы Михайлы, разрешали только посмотреть книги, потом дали домой на время и наконец отдали вовсе. И мальчик не просто прочел их, а буквально вытвердил наизусть.

Ломоносову шел девятнадцатый год, когда он понял, что если он действительно хочет учиться дальше, то надо уходить из отчего дома. Куда?

В Москву или в Петербург. «Словенская школа» была и в Холмогорах, но здесь Ломоносова все знали, и поэтому не могли принять, он ведь был крестьянский сын, а принимали туда только детей дворян и духовенства. И случай представился — рыбный обоз шел в Москву.

Всячески скрывая свое намерение, поутру смотрел он как будто из одного любопытства на выезд каравана... в третий день настиг его в 70-ти верстах. Так Ломоносов попал в Москву.

Лучшее по тем временам учебное заведение называлось Славяно-греко-латинская Академия. Но в какой же класс можно было зачислить двенадцатилетнего юношу, который назвался сыном холмогорского дворянина и знал наизусть «Грамматику» и «Арифметику»? Оказалось, что только в первый, потому что именно в первом классе начинали изучение латыни. Можно себе представить, как это выглядело, ведь в начальном классе учились дети 10—12 лет. «Школьники, малые ребята, кричат, перстами указывают: смотрите, какой болван в 20 лет пришел латыне учиться», — вспоминал Ломоносов. Только смеялись ребята недолго, потому что очень скоро этот великовозрастный ученик перешел в следующий класс, потом еще в следующий, и наконец закончил весь курс Академии, рассчитанный на 12 лет, всего за пять!

А в каких условиях приходилось ему учиться! Ломоносову, как и другим ученикам, назначили «жалование» — 10 рублей в год, это выхо-

дило — 3 копейки в день. Только другим ученикам помогали родственники, а сбежавшему из дому Михайле было стыдно обращаться к отцу, так и жил он — на копеечку хлеба, на копеечку кваса, остальное на чернила, бумагу, обувь и все прочее. И когда Михайло Васильевич заканчивал Академию, никто уже не смеялся, потому что его в числе нескольких «в науках достойных учеников» послали продолжать учение в Петербург.

В Петербурге Ломоносов пробыл недолго, но его способности были сразу замечены, потому что скоро его вместе с двумя другими студентами послали учиться в Германию.

И вот позади долгие годы учения. Теперь — за работу.

Разумеется, Петр I всячески стремился развивать науку в стране, но в учрежденной им Академии наук работали исключительно иностранцы. Все лучшие специалисты того времени были приезжими. И это имело много последствий. Вот, например, лекции, занятия со студентами: все это велось на иностранных языках: по-латыни, по-немецки, по-французски. Обучение на русском языке первым ввел Ломоносов.

Некоторые научные термины он заимствовал из иностранных языков, придав им русское звучание, другие составил сам. Вот далеко не полный список научных терминов, о которых точно известно, что их впервые употребил Ломоносов:

кислота	преломление (лучей)	горизонтальный
квасцы	равновесие (тел)	квадрат
градусник	удельный (вес)	диаметр
горизонт	предложный падеж	синус

Трудно представить себе, какова была русская наука до Ломоносова, если отсутствовали такие важные слова.

И в то же время, как это ни странно, этот человек не только не пользовался поддержкой окружающих, даже наоборот — вся его жизнь проходила в борьбе за право работать. Даже в Петербурге, уже после возвращения из-за границы, когда он стал сотрудником Академии наук, путь Ломоносова вовсе не был усыпан розами. Против него ополчилась группа профессоров-иностранцев во главе с немцем Шумахером, руководившим тогда Академией. Они не могли простить гордости, независимости и, прежде всего, гениальности «крестьянскому сыну». Но что они могли сделать? Не выплатить или задержать жалование, послать жалобу ко двору? Однажды Ломоносова даже целых 8 месяцев держали под домашним арестом. И что же? Этот период оказался едва ли не самым плодотворным в жизни ученого. Вынужденный сидеть дома, он написал столько, сколько его недруги не могли бы сочинить за всю свою жизнь!

Труды Михайлы Васильевича были широко известны не только у нас, но и по всей Европе: он публиковал их на латыни, международном языке науки того времени. Его работы читали Вольтер и Дидро, а Шведская и Болонская академии избрали его своим членом.

Ломоносов осознавал свою историческую миссию. России, выходявшей на мировую арену,

нужна была своя наука, и должен был найтись человек, который мог бы заложить ее основы. И он действительно пришел — пришел пешком в Москву с рыбным обозом.

Своими великими открытиями Ломоносов обогатил почти все области знания. Многие его идеи опередили науку того времени на сто лет и более:

Ломоносов впервые разграничил понятия «корпускула» (в современных терминах — молекула) и «элемент» (атом), что нашло признание только к середине XIX века;

в противоположность господствовавшим тогда представлениям о теплоте, Ломоносов показал, что тепловые явления обусловлены механическим движением частиц;

в труде «Опыт теории упругости воздуха» он объяснил упругость газов движением их частиц;

в 1748 г. Ломоносов высказал общий закон сохранения вещества и движения. В 1756 г. он провел свои знаменитые опыты по обжиганию металлов в закрытом сосуде, которые дали неоспоримые доказательства сохранения вещества при химических реакциях и роли воздуха при горении;

в 1748 г. он основал первую в России химическую лабораторию, в которой проводились не только научные работы, но и практические занятия студентов; здесь Ломоносов прочитал свой знаменитый курс «Введение в истинную физическую химию», явившись основоположником этой науки;

Ломоносов дал правильное объяснение таким явлениям, как молния, независимо от Франклина предложил молниевывод;

он также научно объяснил явление полярного сияния — проделал известный опыт, в котором действовал электричеством на разряженный воздух, заключенный в стеклянный шар, получилось свечение, напоминавшее полярное сияние;

«... и не однажды занимался он наблюдением звезд», наблюдая в сконструированную им «ночезрительную» трубу планету Венера, Ломоносов установил, что эта планета «окружена знатной воздушной атмосферой, таковою (лишь бы не большею), какова обливается около нашего шара земного»;

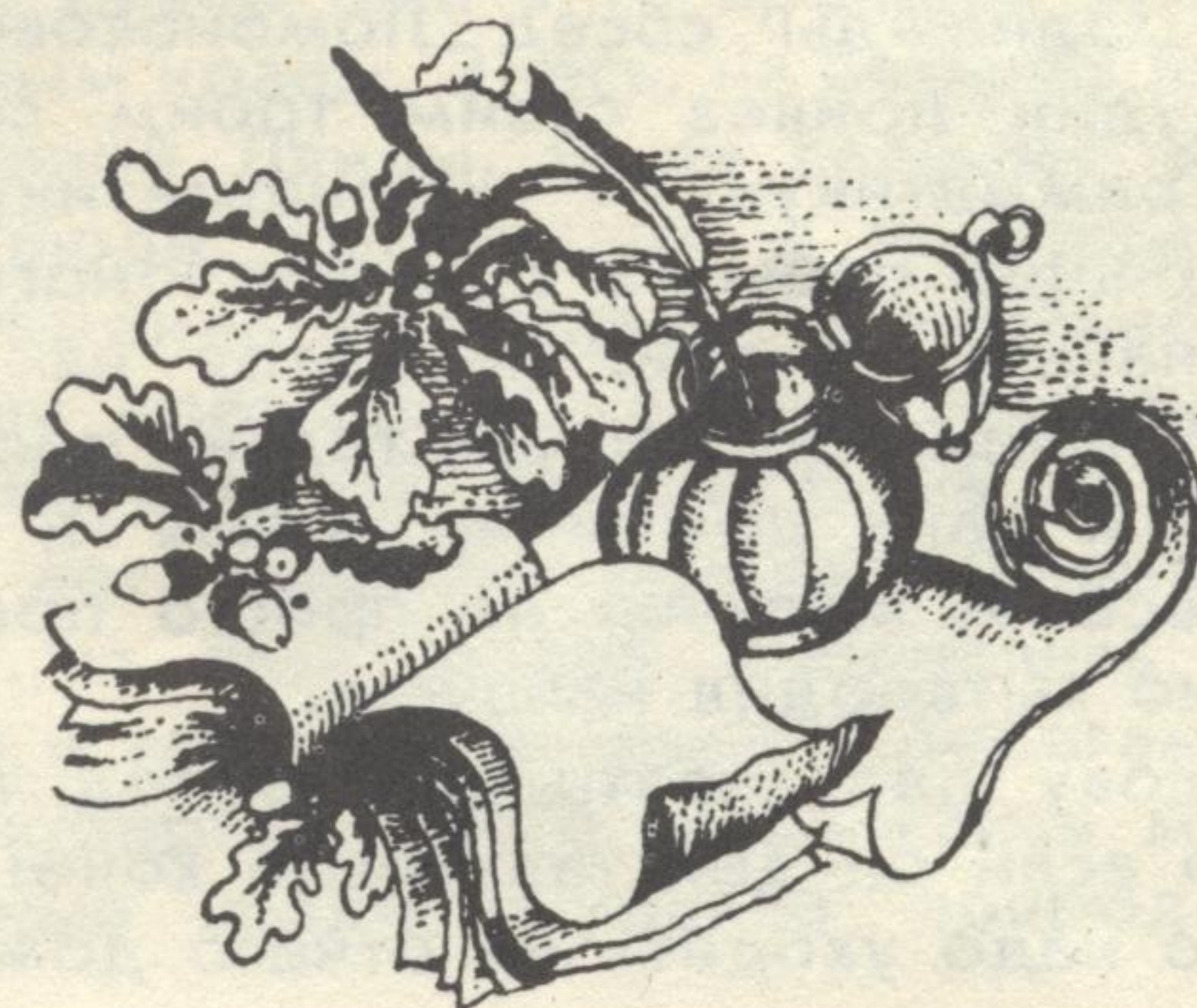
в труде «О слоях земных» он определил геологию, как науку о развитии Земли, и указал, что земные слои образовались в результате сложных процессов, происходящих в природе. Он правильно объяснил происхождение многих полезных ископаемых: таких, как каменный уголь, торф, горючие сланцы;

Ломоносов интересовался вопросами исследования полярных областей и Северного морского пути. Он был убежден в возможности освоения северных морей, об этом писал, например, в работе «Письмо о Северном ходу в Остиндию Сибирским Окианом». Высказал мысль о существовании большого ледового дрейфа в Арктике;

много сделано им и для развития русского искусства. Им и его учениками созданы замечательные мозаичные портреты и картина «Полтавская баталия» (12 футов в ширину и 8 в высоту). Для своих мозаик Ломоносов сам изготовлял смальты и составил особый цемент, он возродил мозаичное искусство в России;

по инициативе Ломоносова в 1755 г. был основан Московский университет, по его же настоянию обучаться в университете было разрешено не только дворянам, но и детям людей простого звания.

Е. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ
Рисунки
В. Цикоты

**МИР, В КОТОРОМ
МЫ ЖИВЕМ**

ФОТО- КОНКУРС

В фотокружке Дворца пионеров города Березники Пермской области занимаются 90 ребят. Интересно, что среди них всего пять девочек, остальные — мальчишки. Ребята очень дружат. Вместе читают, проводят трудовые десанты, ходят в многодневные походы и, конечно, всегда и всюду фотографируют.

В фотоконкурсе «Костра» юные фотографы участвуют впервые. Пожелаем им удачи!

ДЕДУШКИНЫ МЕДАЛИ

Коля Сенин

ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ

Игорь Пушкарев

ПО СЕКРЕТУ

Коля Сенин

ТРУДНЫЙ УРОК

Саша Аитов

Оформление Т. Панкевич

НОЯБРЬ

Заснули деревья в лесу. Перелетные птицы на юг улетели. Скоро, скоро реки покроются льдом, землю снегом засыплет... По норам попрятались ежи и барсуки, в берлогу завалился спать до весны — медведь... Пусто в лесу...

Но все ли звери спят? Все ли птицы улетают? Оказывается, и в ноябре — кипит и шумит жизнь в особом птичьем и зверином царстве — на опытных станциях юных зоологов, в зоологических кружках и уголках. А у ребят из Ленинградского Дворца пионеров имени Жданова — так и настоящий зоопарк... О своих любимцах — самых разнообразных животных рассказывают юные зоологи Лена Карасева, Петя Кузенков, Маша Панова, Ася Курузбавер, Катя Ариян...

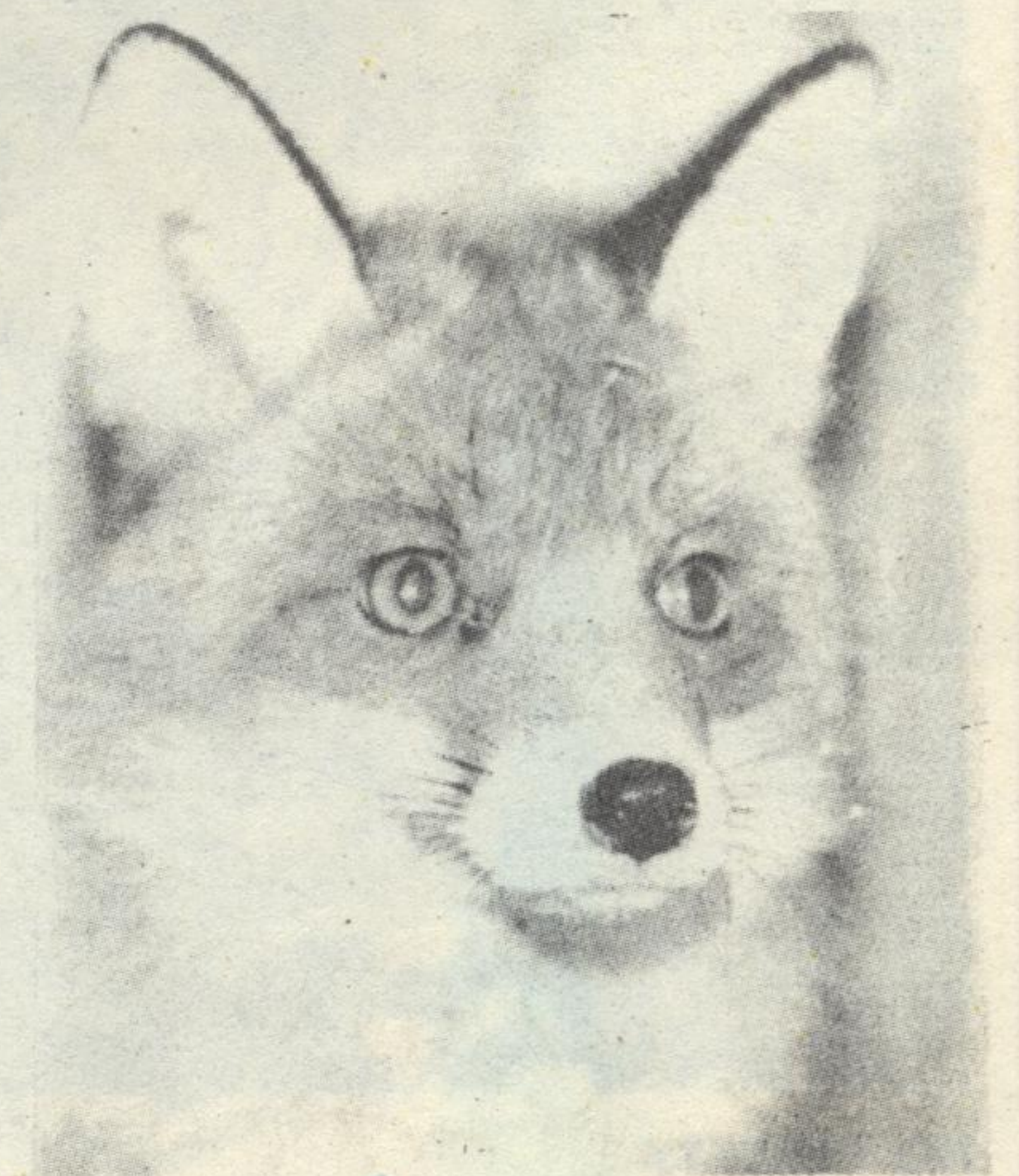
ДИКОБРАЗ И НУТРИИ

Нашего дикобраза зовут — Катя. А живет дикобраз в одной клетке с нутриями. Потому что у них — большая дружба. Катя даже спит, положив голову на нутрию. Когда нутрята были еще новорожденные, Катя считала их своими, грела под брюшком. Гулять они любят вместе. У нутрий слабое зрение и иногда на прогулке им кажется, что они потерялись. Тогда нутрии начинают звать: «Гук, гук...» И дикобраз подбегает к ним и успокаивает, мол, не беспокойтесь, все в порядке...

АВВА И РЫЖКА

А вот две лисицы — две сестрицы Авва и Рыжка не дают себя даже погладить. Но мы ведем за ними наблюдение и ухаживаем за ними. Наука, которая изучает поведение животных, — этология. Мы наблюдаем, как Авва командует Рыжкой. Она считает себя главной, первая берет корм. Наверное, из-за этого Рыжка — скрытная, тихая, сидит чаще в своей будочке. Но зато Авву легче будет приручить, она с интересом обнюхивает всех наших ребят, словно изучает их...

Жуи Аруша

Нашего попугая ара зовут Арушкой. Если на него рассердишься, он начинает себя хвалить: «Арушка хороший? Хороший!» Он может мяукать, лаять и кричать, как маленький ребенок. Он очень любит музыку и напевает, как оперный певец: «Ля-ля-ля...» Арушка не злой, но если с ним плохо обращаться, может напу-

гать. Однажды мы были на телестудии и там один работник захотел похвастаться, что он подружился с попугаем и взял Арушку в руки. А тот схватил его за нос и держал, пока его не выручили юннаты. Летать Арушка не может, но однажды на прогулке он забрался высоко и стал кричать: — Удрал! Удрал!

Как кошка выкормила лисенка

Как-то отдали нам трехнедельного лисенка. Он мог погибнуть. В это время у нашей кошки Муськи родились котята. Мы и подложили ей лисенка. Муська приняла его в семью. Назвали мы лисенка — Джерси.

Одно было плохо — Муська не любила лисьего запаха. Так что вылизывала она лисенка просто с отвращением, лизнет и отвернется, лизнет и отвернется... Теперь лисенок вырос и стал совсем ручным.

А Муська потом еще не раз становилась приемной матерью для других беспризорных зверят...

ДЕЖУРНЫЕ

А это — пятнистые олени. Сначала, когда их только что привезли к нам, они очень дичились, но теперь привыкли к ребятам. Они даже стоят, когда мы в школе, у клетки и, сменяя друг друга, словно дежурят, ждут нас...

Атти и Фокус

Барсука привезли из Риги. Назвали — Атя. Очень Атя симпатичная. И тихая. Но как-то вечером мы заглянули в клетку, а Ати — нет! Все расстроились: Атя сбежала!

А на следующий день смотрим: Атя на месте... Что за фокус?

Прошло дня два, и снова Ати нет! А замок, между прочим, висит на дверце клетки, и дверца закрыта... Никто ничего не мог понять.

А Атя снова на месте! Тогда стали все внимательно высматривать и нашли подземные ходы, которые Атя отрыла ночью под своей клеткой...

Кара и Варвара

Грач Кара, наверное, очень старый — клюв у него похож на кусок пемзы. Чтобы Каре жилось веселее, мы нашли ему подругу — Варвару. Кара подружился с Варварой и относится к ней очень внимательно. Когда грачам дают корм, Кара первый спускается к кормушке, берет корм и кладет Варваре прямо в клюв. Варвара проглотит и крикнет. Так и идет у них обед. Кара оберегает подругу и кричит, если к клетке приблизится незнакомый человек...

Гоша

Есть у нас и лесной хорек. Зовут его Гоша. Он — всеобщий любимец. Гоша играет с юннатами как котенок, подпрыгивает, изогнув спину. Он очень любит залезать в карманы и рукава. Но Гоша — не воришка. Наоборот, он почти научился охранять вещи...

Живут у нас и другие звери и птицы: волнистые попугайчики, черепахи, бурундук, горлицы, чеглок, чайка, ушастая сова, уж, лягушки, морские свинки, ушастый еж, зайчонок-русак и саламандра, но о них мы вам постараемся рассказать в следующий раз...

Составила Н. ИВАНОВА

МАЛИНА

Николай КОНЯЕВ

РАССКАЗ

Рисунки А. Старостина

У третьеклассницы Оли почти нет подруг. Правда, приходит в гости с другого конца поселка Лена — такая же тихая с прозрачным лицом девочка, но разве такую подружку хотелось бы иметь Оле? Лена очень странная, ее любимая игрушка — папка «Дело», которую Лена всегда носит с собой. И игры у Лены тоже странные. Она приходит и сразу уводит Олю в сарай.

Здесь у них больница.

Раскрыв папку «Дело», Лена начинает подшивать бумажки. Оля в этой игре — больная, а папка «Дело» — история ее болезни.

Оле эта игра не нравится, но больше играть не с кем. Совсем нет на этом конце поселка Олиных сверстников, а ходить к каменным домам, что поднимаются за огородом, Оля боится.

Чаще всего она сидит на крылечке одна и думает... А о чем? Этого и сама Оля не знает, потому что пытается она представить себе, какой она будет через пять, через шесть лет, но смутна и неясна предстоящая жизнь!

А вокруг привычный, знакомый до последней травинки, до самого маленького камешка мир. Дом, где живет Оля, стоит на берегу реки, и сразу за домом начинается территория завода. Олин огород вплотную прижался к заводской ограде буйными зарослями малины.

Пока малина не вызрела, Оля, хоть и скучала, но жила спокойно. А теперь покраснели, налились сладким соком ягоды, и полезли в огород хулиганы-одноклассники из каменных домов.

Сегодня залез со своими друзьями Сашка Мамалыга. Увидел сидящую на крылечке Олю и погрозил кулаком. Говорить он ничего не стал.

Оля и так поняла, что если позовет она родителей, несдобровать ей.

Оле не жалко малины.

Малины так много, что ее хватит на всех.

Но сегодня — родители дома, а мать ругается, заставляет Олю сторожить малинник. Так что же делать?

И Оле вдруг становится особенно обидно и досадно, что она такая слабенькая. А она и в самом деле слабенькая. Даже зануда Лена, и та может заставить ее играть в «папку «Дело».

Впрочем, кажется, родители и сами уже заметили ребят в малиннике.

Точно.

Выходит на крыльцо отец. Волосы у него всклокочены, а на щеке — рубец от подушки. Позевывая, отец смотрит на малинник. Отцу тоже не жалко малины, это мать заставила его встать сейчас и выйти на крыльцо.

— Эй, вы! — нехотя кричит он. — Что мне, вицу, что ли, для вас взять?

Ребята уже готовы броситься наутек, но тут выступает вперед Сашка Мамалыга.

— А что мы? Что мы? — говорит он. — Мы же не так просто. Мы у вашей Оли спросили, и она нам разрешила пособирать немножко!

И он смотрит на Олю, и Оле страшно сказать, что все это ложь и что она никого не пускала.

— Оля, говоришь, пустила? — переспрашивает отец и снова зеваает. — Ну, тогда ладно. Только... — голос его становится строгим. — Ветки чтобы мне не ломать. Из-под земли достану!

— Не! Не! Мы осторожно, дядя Витя! — отвечают мальчишки. — Мы не ломаем.

Отец поворачивается и уходит в дом, а Сашка Мамалыга снова грозит Оле кулаком.

Но Оля уже не обращает внимания на его кулак. Напряженно прислушивается она к тому, что происходит в доме.

— Выгнал? — раздается там голос матери. Мать гремит кастрюлями, готовит обед.

— Чего выгонять-то? — отвечает отец. — Это Ольга Викторовна своих гостей пустила. Эко дело...

И сразу же скрипят пружины. Отец, должно быть, снова лег на кушетку.

— Да что она, совсем, что ли, ополоумела девка?! — срывается на крик мать. — Целый огород напустила народу!

И, позабыв поставить кастрюлю, с кастрюлей в руках вылетает на крыльцо.

— А ну! — кричит она. — Марш отсюда!

Теперь Мамалыга и не пытается сослаться на Олю. Только мелькнули за забором рубашки и все — нет никого поблизости.

Мать строго смотрит на Олю.

— Иди в дом! — говорит она.

Но разговор на этом не кончен.

Поставив перед Олей тарелку с супом, мать сердито разглядывает ее.

— Ты чего? — спрашивает она. — Ты чего умом-то своим, девонька, думаешь? Ты чего народу столько в огород напустила?

— Я не пускала... — Оля низко наклонилась над своей тарелкой.

— Так, а отцу что сказала, дрянь ты этакая! — и не сдержавшись, не больно, но как-то очень обидно, мать схватила Олю за ухо. — Чего ж ты ему сказала, что это ты пустила, а?

— Я не говорила... — губы у Оли дрожат. — Это они сказала, что я пустила...

И слезинка, выкатившись из глаза, падает в тарелку с супом, и от нее разбегаются круги.

Оля не слышит, как скрипит за ее спиной дверь. Она смотрит на кружочки, разбегающиеся в тарелке от ее слезинок, и грустно думает, что ей и не дожидаться будет, пока она вырастет, пока пройдут пять или шесть лет, пока она станет взрослой.

— Ты у меня понюнься, понюнься! — угрожающе говорит мать. — Доедай давай суп и иди с Леной играть!

Оля покорно оборачивается и видит стоящую у порога подружку Лену. Под мышкой у Лены такая знакомая Оле папка «Дело». Оля тяжело вздыхает и, проглотив несколько ложек супа, встает и покорно идет следом за подружкой к сараю, где снова она должна играть в большую, где Лена старательно будет писать корявыми буквами в своей папке «Дело»: «У Оли корь и воспаление легких. Есть подозрение на грипп и скарлатину».

И Оля будет смотреть на эти корявые буквы и плакать.

Но пройдет это лето, пожелтеют и осыплются листья с деревьев, и вот уже наступит зима, ветер наметет на огороде синеватые сугробы, опустеет земля и только тонкие прутья малины будут зябко дрожать на студенom ветру. Но ра-

стает, веселыми, говорливыми ручейками сбежит этот снег к реке, снова наступит на земле лето, и так пройдет еще один год, и Оля — она сама не заметит как — превратится в красивую и высокую девушку.

Она поймет это на школьном вечере, когда нескладный и угловатый Сашка Мамалыга, конфузясь, спросит, можно ли ему проводить ее до дому.

Вот тогда и вспомнит Оля свои слезы в тот далекий летний день. Вспомнит и усмехнется своей памяти.

— Малины захотелось? — спросит она.

— К-какой малины? — чуть заикаясь, изумленно вытаращится на нее Мамалыга, и улыбка медленно соскользнет с Олиных губ, и ей вдруг станет досадно и больно оттого, что этот несносный человек не помнит ничего, что он, наверное, сразу позабыл о той истории, которая столько времени мучила ее.

— Ты... Ты, — голос Оли сорвется. — Ты... Ты — злой! Гадкий! Ты так ничего и не понял.

И, повернувшись, побежит она от ошеломленного Мамалыги...

ЧТО МОЖЕТ БЕРЕСТА ?

«Первым делом Карло вырезал на полене волосы, потом — лоб, потом — глаза... Вдруг глаза сами раскрылись и уставились на него...» — писал Алексей Толстой.

Буратино — веселого и боевого деревянного человечка папа Карло вырезал из волшебного говорящего полена. Буратино, которого создал народный мастер из Карелии Василий Александрович Костылев, приходится деревянному человечку братом. Он сделан из волшебного материала — из бересты... Крепко сжаты берестяные кулачки, длинный нос задрался вверх, и кисточка берестяного колпачка задорно свисает, — вот-вот Буратино ринется в бой на Карабаса Барабаса. Держись тогда, злой бородач!

Живет в Петрозаводске добрый волшебник. В его руках

рождаются угловатые и забавные берестяные человечки и зверушки. Емеля беседует с щукой, Баба-Яга ловит рыбу прямо из оконца своей избушки на курьих ножках, а сбоку, по-походному, к избушке прицеплены ступа и помело; старушка прядет пряжу; Дон-Кихот с верным оруженосцем Санчо Пансой направляются в поход... В детстве, в Архангельской губернии, Василий Александрович научился плести из бересты кошелки, корзины, ягодники, берестяные лапти — «бахоры» и сохранил любовь к живой и теплой бересте на всю жизнь. Сейчас мастеру 78 лет, он много прожил, многое видал. В разруху 20-х годов, в тяжелые военные годы береста служила людям не для забавы, для дела...

В старину каждый крестьянин умел плести из лыка и бе-

ресты. Это умение было так же естественно, как умение пахать землю, косить сено, рубить избу. «Кабы не лыко, да не береста, так бы мужик рассыпался», — говорили встарь.

В специальных печках на жаровнях гнали смолокуры из бересты черный и терпкий деготь. Дегтем смазывали оси тележных колес — чтоб не скрипели, не горели; дегтем пропитывали кожаную сбрую для лошадей — чтоб не рассыхалась, не трескалась; а по праздникам крестьяне мазали дегтем свои сапоги — чтобы поскрипывали и поблескивали как новые!

Со старых толстых берез мастера снимали большие пласты бересты — «скалы» или «скальё». Их укладывали на крыши между двух слоев теса, и дождь не проникал. В знаменитой Преображенской церкви на острове Кижы древние плотники сделали две крыши: одна внешняя, из двадцати двух главок и бочек, покрытых осиновым лемехом, вторая, потайная, — внутри церкви, из двух слоев теса с берестяными «скалами». Почти 270 лет надежно сохраняет берестяная крыша древнюю живопись.

Промысловики и таежные охотники сшивали лозой или сосновым корнем пласты березовой коры в легкие каркасные лодки-берестянки. Оленеводы-якуты летом жили в берестяных чумах — «урасу».

В древнем Новгороде береста заменяла бумагу. По ее внутренней мягкой стороне новгородцы процарапывали буквы костяными или железными стержнями, писали письма и деловые записки. Археологи нашли берестяные грамотки времен Александра Невского.

Люди давным-давно заметили, что если бересту нагреть или ошпарить кипятком, она свернется в тугой свиток. Рыбаки «варили» куски бересты и делали из них поплавки для се-

тей. В Архангельской губернии таким способом делали погрешки — «шаркунки» для маленьких детей. Если в хозяйстве трескался глиняный горшок, то хозяин не спешил его выкидывать. Он обматывал, «повивал», как говорили раньше, горшок длинной берестяной лентой, ошпаривал, береста стягивала трещину, и горшок еще мог хранить молоко. Даже была загадка о горшке: «В огне крещается, берестой повивается», и пословица о драчунах: «Башка не горшок, берестой не повьешь». Так-то!

Многие века Русь называли «деревянной», «лапотной». Помните кадры старой кинохроники? Идут перед камерой красногвардейцы, мелькают

лапти, опорки и изредка — сапоги. А сейчас все наоборот: трудно найти мастера-лапотника, который сплел бы настоящие лапти для исторического фильма. Кто сейчас «лыко вяжет»? — единицы. Плетеную обувь делали в старину разных моделей. Босовики — носили дома. Опорки — плели с пяткой, для дороги. Бахоры — носили в Вятской и Архангельской губерниях. Берещаники — делали из бересты. Верзни — в Олонецкой губернии были рабочей обувью. И пресловутые лапти, плетенные из бересты или лыка, обували всю Россию...

В избе русского крестьянина береста занимала второе почетное место после дерева. Туеса

(оураки), коробья, пестери, заплечники, кошелки (кесели), лукошки, масленки, набирушки, корзинки, зобенки, солонки, поставцы, ягодники. В них хранили молоко и квас, ягоды и муку, солили грибы и квасили капусту, укладывали девичье приданое и собирали малину, берегли в них соль и приносили живую рыбу с рыбалки.

Туесок мог быть маленьким, на полстакана, и были большие туеса, на четыре ведра воды. Умелые крестьянские руки делали туеса из цельных цилиндров бересты, снятых с поваленного дерева.

Коробья и заплечники мастера сшивали конским волосом или лозой из пластов березовой коры.

Ягодники, кошелки и лукошки выплетали из берестяных лент, иногда, для прочности, в два слоя.

Береста красива сама по себе, — теплая, золотистая, медовая, с мягкой бархатной поверхностью. Но народные художники стремились еще украсить берестяные изделия. Железными чеканами тиснили по бересте орнамент, рисовали красками цветы и птиц, украшали прорезным многоцветным рисунком...

В наше время осталось не много народных мастеров, помнящих древние приемы обработки бересты. В Архангельской области знаменита семья Фатьяновых. В Карелии украшает тисненым орнаментом туеса и коробочки Леонид Николаевич Парфенов, плетут из бересты В. А. Иванов и С. А. Иконников, создает берестяную скульптуру Василий Александрович Костылев...

Посмотрите внимательно на «Дон-Кихота» — вся скульптура, от копыт лошади до кончика копья, выплетена из ленточек бересты разной ширины. Василий Александрович и сам в чем-то «Дон-Кихот», — так же упорно и неукротимо защищает достоинства волшебной бересты, как тот Дон-Кихот защищал Дульсинею Тобосскую. Он защищает бересту от забвения...

Г. САЛТУП
Фото автора

ТОЧНО, КАК В АПТЕКЕ

Ноябрьское небо было пропитано водой. Тучи тяжело ползли над самыми крышами. То принимался моросить мелкий, въедливый дождь, то тяжелыми хлопьями валил мокрый снег.

В аптеках у прилавков — очереди: грипп! Женщины в белых халатах едва успевали отпускать лекарства. Одна из них на минутку приоткрыла дверь, ведущую в просторное помещение:

— Скорее, девочки! Скорее!

За длинными столами сидели девушки в белых халатах. Они молча и сосредоточенно фасовали антигриппин. Детская доза... Взрослая... Теперь нужно нарезать ярлычки... аккуратно приклеить... Работа была кропотливая, требующая внимательности и точности.

— Ой, девочки, я больше не могу! В глазах рябит, — пожаловалась одна.

— Ты, Вика, выйди в зал, посмотри, как провизоры у прилавков работают, — сразу поймешь, что здесь легче, — отозвалась Оля Тихомирова. Она работала быстрее и точнее всех. — Сейчас наши девятиклассницы подойдут. Они

тоже ведь целый день работать будут...

Еще раз приоткрылась дверь. Рабочие внесли аккуратную упаковку.

— Семь тысяч доз антигриппина, — сказала Люда Навтанович, заглянув в накладную. — Наши из девятого «б» подготовили. Сейчас в комбинате все на нас работают. Понимают — эпидемия!

Вот уже четыре года в межшкольном учебно-производственном комбинате Калининского района Ленинграда работает группа фармацевтики.

Старшеклассники во время учебного года работают в УПК один день в неделю, а летом — проходят месячную практику.

Ребята младших классов получают работу попроще — моют аптекарскую посуду, собирают лекарственные травы.

Многие после обязательной месячной практики остаются поработать еще, получают заработную плату.

Поначалу в аптеках относились к ребятам недоверчиво: еще напутают чего-нибудь, или разобьют хрупкую стеклянную посуду. Но шло время. И все убедились, что работают школьники аккуратно. Теперь заведующие аптек сами звонят в комбинат, просят, чтобы прислали ребят на практику. Ну, а в эпидемию гриппа без помощников из школ района пришлось бы совсем туго, ведь именно они выполняют самую монотонную работу на фасовке лекарств.

Теперь в аптекоуправлении города всерьез подумывают о том, чтобы привлечь пионеров к доставке простейших лекарственных наборов на дом престарелым больным и инвалидам — это будет настоящей тимуровской работой в школьных дружинах.

В. ТЕРЕШКИН
Фото автора

Лев ЯКОВЛЕВ

КОЛЕМ ДРОВА

И — раз!
И — два!
Во дворе
Дрова
Колем, как орешки:
Прыгают полешки,
Как лягушки,
В стороны.
Здорово?
Здорово!
Сучковат
Чурбак —
Не идет
Никак.
Клин в середку
Забьем,

А по клину колуном
Ударим снова —
Раз!
И готово!

Солнце над
Головой,
Точно шар
Смоляной,
А лучи, как стесы,
А смола, как слезы...

Пахнет духом
Лесным
И теплом
Избяным,
И горячим,
Вкусным
Пирогом капустным!

ЖИЛ ЧЕЛОВЕК

Жил добрый человек
И посадил росток,
И потянулся вверх
Пушистый тополек.

И вот прошли года,
И вот пришла война,
И вот пришла беда,
И вот прошла она...

А тополиный снег
Весной опять летит.
Мог жить бы человек,
А он в бою убит.

И сын родиться мог,
И мог родиться внук —
Хороший паренек,
Мой самый лучший друг.

ОСЕННИЙ ФУТБОЛ

Размокло за школой
Футбольное поле,
Играют мальчишки,
Мечтают о голе.
— Пасуй мне, Сережка!
— Андрюха, ударь!
И счастлив
Заляпанный
Грязью вратарь!

Рисунок К. Почтенной

СТИХОТВОРЕНИЕ

Решил я стать поэтом,
Давно мечтал об этом.
Сейчас в окошко погляжу
И что увижу — опишу:
Идет старушка в шубке,
Домой несет покупки,
В одной руке бидон,
В другой руке батон —
И вдруг бежит обратно,
За сдачей, вероятно.
Вот Леня Барабанов
Гулять идет во двор.
Вот пара хулиганов
Подходит и в упор
Уставилась на Леню
И кинулась в погоню...
Я дальше не могу писать —
Бегу товарища спасать!

СТАЛЬ „АВРОРЫ”

Это было 18 августа 1984 года. Ровно в 8.00 старший матрос «Авроры» Сергей Болдин поднял флаг корабля, а через час крейсер снялся с якоря.

Мы шли по Неве. Я постоянно смотрел на часы и в блокнот, где у меня было записано, в какую минуту корабль достигнет точки поворота, когда пройдет первый мост, второй. Осторожно! Третий мост, пожалуй, самый опасный для проводки. Мост лейтенанта Шмидта. За ним — свободная Нева. Очень сильное течение пытается прижать корабль к левому берегу, выбросить на камни. Как два утеса, поднялись крылья моста. Прижались к бортам «Авроры» буксиры. Натянулись стальные канаты, сдерживающие бег корабля. Еще немножко, еще... Без единой царапины на борту прошла «Аврора» и вдруг оказалась на том самом

месте, где стояла на якоре в октябре 1917 года.

В бинокль хорошо виден обелиск на набережной лейтенанта Шмидта: «...стоявший против этого места крейсер «Аврора» громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры — эры социалистической революции». Гремил с берега матросское «Ура!». Торжественно гудят корабли, сопровождающие крейсер по Неве...

И вот через два года я снова на «Авроре». Но теперь крейсер на рейде завода имени Жданова, по-прежнему каждое утро ровно в 8.00 здесь поднимают военно-морской флаг. По-прежнему бьют склянки, драют медяшки и палубу, играют учебные тревоги. По-прежнему по минутам расписана вся матросская жизнь. Кажется, ничего

особенного не произошло за это время. Но это не так. Рабочие завода разобрали старые, израненные снарядами и изъеденные коррозией шпангоуты, заменили обшивку корабля. Мастера из Кронштадта починили орудия... Заново сделаны катера и шлюпки. Налажена старая радиостанция. Исправлен такелаж. Даже бочка для марсового матроса теперь такая же, какой она была в 1917 году. Это мне рассказал наблюдающий за работами адмирал Буров. Он доподлинно знает каждую деталь и каждое орудие крейсера, потому что долгие годы изучал историю «Авроры». Адмирал сказал, что реставрация завершается и что к семидесятилетию Октября крейсер вернется на место своей вечной стоянки.

Сперва я подумал, что слово

«реставрация» больше подходит картинам или дворцам, а не кораблю. Но нет, по-другому и не назовешь то, что сделали с «Авророй». Теперь корабль не отличишь от того крейсера, каким он был в 1917-м!

А еще мне хочется рассказать, что перед встречей с помолодевшим на 70 лет кораблем я был на другом заводе, на Балтийском. Этому заводу поручили починить форштевень крейсера, то есть носовую, как мне кажется, самую красивую часть корабля.

— Где чинят форштевень «Авроры»? — спросил я тогда молодого рабочего на стапеле.

Он показал на высоченную лестницу над головой и сказал:

— Кажется, там...

Ступенек, наверное, через двести лестница закончилась. Там работала бригада опытных судовых сборщиков. Но тут меня ожидало огорчение. Форштевень «Авроры» уже был собран и отправлен на Ждановский завод.

— И ничего от старого корпуса не осталось? — спросил я.

— Почему не осталось? Есть кое-что, — и бригадир показал мне квадратный, уместившийся на его широкой ладони, кусочек черного металла с четырьмя заклепками.

— И у меня такой же, — сказал другой судовой сборщик. — Авроровский!

— А у меня сохранилась заклепка, — сказал третий.

И тут мне страшно захотелось, чтобы у меня на ладони тоже оказался кусочек авроровской стали, хотя бы самый маленький. Ведь это же реликвия — великая ценность. Очевидно, мое огорчение заметили: когда я уже был у лестницы, чтобы спуститься вниз, ко мне подошел рабочий и сказал:

— Я подарил бы вам свой кусочек, но обещал братишке в пионерский отряд. На сборе отряд решил, что за такую реликвию он постарается стать самым лучшим в дружине.

— Здорово! — сказал я, повеселев. — Жаль, что я-то уже не пионер!

А недели через две у меня дома был праздник. Мне все-таки подарили совсем небольшой брусочек из стали «Авроры». Правда, без заклепки. Кусочек броневой плиты с щербинками от осколков снарядов. Раны, полученные крейсером в бою. В Цусимском? В гражданскую войну? В Отечественную?

Я часто посматриваю на этот кусочек, дотрагиваясь до него ладонью.

Не так давно такой же брусочек авроровской стали на вертолете отправили в подарок атомоходу «Россия». А ледокол как раз прибыл в Арктику на испытания. И уже потом я узнал, что атомоход никак не мог найти подходящий лед, чтобы проверить свою силу, — самый толстый лед быстро разламывался, пропуская корабль.

Сталь «Авроры» и сталь «России»... Чудодейственный металл. Его история вместила всю историю нашей Родины. Почти за столетие.

М. БЕЛОУСОВ

Геннадий МОРОЗОВ

МОРСКОЙ ЯКОРЬ

Скажи-ка мне, якорь,
с какого ты судна
и как очутился на поле безлюдном?

Молчишь? Понимаю! Характер — железный!
Недаром познал ты пучины и бездны.

Спускался туда, где темно и остудно,
держа в непогоду на привязи судно.

Ты знал переходы, походы, бои...
Отлично работали лапы твои!

И хоть поржавели, но хватки и ловки —
у берега держат и шлюпки и лодки.

Вон чей-то мальчишка схватился за лапы
и цепко повис, как на шее у папы!

В ЛЕНИНГРАДСКОМ ПОРТУ

Идут корабли сквозь шторма и туманы.
Их ждут не дождутся порталыные краны.

Как тянутся стрелы ажурные ввысь!
Э-гей, корабли! Как мы вас заждались!

«Балтийского моря дозорные вышки!» —
Зовут эти краны все наши мальчишки.

А каждый мальчишка, живущий у порта, —
совсем не зазнайка, но держится — гордо!

И даже девчонки, как мальчишки, смелы —
ведь папы и мамы у них — корабель!

ПУРГА

Марите ШАЛЬТИТЕ

РАССКАЗ

Рисунок П. Кузнецова

На западе поднималось тяжелое облако. В лучах заходящего солнца оно казалось то синим, то фиолетовым, то серо-коричневым. Промокшие большими пятнами стены домов, озябшие деревья и мокрый асфальт с каждым мигом мрачнели. Вскоре облако полностью закрыло солнце. Все вокруг совсем потемнело. Будет пурга!

Я ускоряю шаг. Пронеслись первые, уже пахнущие снегом порывы ветра. Входная дверь со всей силой бьет в спину. Я бегу по лестнице. Тороплюсь увидеть из окна, как начнется пурга. Но когда открыл дверь в квартиру, окна уже непроглядно белели. Поставил на плиту чайник и прильнул лбом к холодному стеклу. Снежный вихрь за окном бился так сильно, что, кажется, стекло не выдержит.

Какое чудо эта пурга! Кажется, весь дом кружится и летит, как птица! И ты сам летишь, радуясь полету. Когда бушует пурга, со мной происходит что-то невероятное. Мне хочется что-то делать! Неважно, что. С большим удовольствием могу решать самую трудную задачу по ал-

гебре. Могу даже убрать комнату или вымыть полы. А если умел бы играть на пианино, как моя сестра Рита, то играл бы без усталости все время, только пусть кружится пурга! В такое время все кажется легким и простым. Но сейчас я ничего не делаю. Я не могу оторваться от окна. Хочу только одного: чтобы пурга не кончалась. Мне даже кажется, что я живу давно, миллионы лет! Время как бы остановилось. Вьюга каждую секунду превращает в вечность. А что секунда, час перед вечностью? Ровно ничего. На стене тикающие часы выглядят, как заводная детская игрушка. Смешно!

Пурге мало снега, принесенного с собой, от окна она отклеивает целый сугроб и вмиг превращает его в мельчайшую пыль.

И вдруг внизу я вижу человека... Поначалу не разобрать — мужчина или женщина. Человек сгибается чуть ли не до земли, а ...вихри секут его, словно плети. Наверное, он сейчас ругает пургу. Или боится?

Однажды в деревне меня тоже застала пурга.

Это случилось давно, я был совсем маленький и пошел в сарай смотреть лошадь. И вмиг закрутила вьюга. Мне даже в сарае стало страшно. Показалось, что из всех уголков на меня двинулись всякие страшилища, а спокойно жевавшая сено лошадь вдруг превратилась в сказочное чудовище. Я выскочил из сарая и пустился наутек. Ветер задрал шубку, унес шапку. Я упал и заплакал, не зная, в какую сторону бежать. Все перемешалось. Снег обжигал уши, руки, лез за шиворот. От сарая до дома — совсем недалеко, только перейти огород и двор. У дверей сарая меня и нашел дядя. Вспоминая этот свой испуг, сейчас я улыбаюсь. А человек внизу почти не продвинулся. Но сейчас он не горбится. Он не поднимает воротника, не ловит полы пальто. Кажется, он совсем не чувствует, что снег острыми, как иголки, струями сверлит лицо, руки, шею. Человек куда-то торопится, но ветер сильнее его. А может, он, как и я, поддался чувству вечности и представляет себя летящим? «Эй! — хочется крикнуть ему. — Эй! Я тоже лечу! Мы оба летим! Как прекрасно, свободно и легко мы летим!»

Или ветер устал, или облако потеряло свою мощь, порывы снега перестали катиться волнами. Тогда я узнал человека. И ничуть не удивился, что это была наша соседка Анна. Каждый день она идет в телефонную будку, а потом к нашему дому приезжает „скорая помощь“. Анна живет вместе со старой больной матерью. Ранней осенью та совсем слегла, и я больше ее не видел.

Добрая бабушка. Бывало, иду из школы, а она сидит на кухне у окна и машет мне. Когда поднимаюсь на свой пятый этаж, она уже ждет у своих дверей. Сухой маленькой ручкой протягивает мне конфету или домашний пирожок, улыбнется и как мышка ускользнет обратно. Соседка Анна была не замужем, и внуков у бабушки не было. Мама очень гордилась соседкой Анной и часто говорила, что бабушке удалось вырастить хорошую дочку.

Анна говорила по-польски, а бабушка хорошо знала литовский. Бабушка мне нравилась больше, чем Анна. Может, потому, что с Анной я никогда не разговаривал, только здоровался? А бабушка всегда первая начинала разговор. Весной она сама еще могла спускаться вниз и часто сидела на скамейке. Я тоже иногда присаживался к ней. Просто так. Или мне нечего было делать, или ждал Гинтаса. Увидев меня через окно, он всегда выходил. «Как живешь, Витас?» «Хорошо. Только сегодня получил двойку». «Ничего страшного, в другой раз получишь пятерку... Выучишь и получишь!» Бабушка улыбается. Улыбаюсь и я. Мне на самом деле кажется, что в следующий раз по алгебре я получу пятерку. Только выучу и... Поэтому я никогда не боюсь сказать бабушке о плохой оценке. Она мне верит больше, чем я сам себе. Она никогда не разводит руками и не упрекает: «Ах! Какой лентяй! Вы только посмотрите на него!» От таких упреков мне хочется все делать наоборот. Иногда думал, — как бы хорошо жить с такой бабушкой. Вдвоем. Тогда родители не гоняли бы меня с улицы домой и не заставляли

учиться. Хотя на меня они часто кричали, ругали, я все равно не делал уроки. Под учебником алгебры или физики у меня всегда лежала какая-нибудь интересная книга. Папа с мамой только головой качали: «Ребенок все время учится, а получает двойки!» Правда, я в классе лучше всех писал сочинения. Но родителям этого мало. Они убеждены, что в наше время без точных наук не прожить. Такой век!

Однажды спросил у бабушки, как она прожила без всех этих математик и физик. Или она не поняла этих слов, или не хотела отвечать, но стала рассказывать, как в детстве у панов пасла свиней. Но вышел Гинтас и бабушка улыбнулась: «Того, что я знала, Витукас, на мой век хватило. Теперь — твой век. И ты будешь знать столько, сколько тебе положено!» Золотая бабушка!

Мой чайник стал чего-то скрипеть. Забыл! Хватаю крышку и тут же швыряю на пол. Вода давно выкипела! Выключаю газ, сосу обожженные пальцы и жду, пока чайник остынет. Тогда-то и слышу сирену. К нашему дому мчится «скорая». Машина скользит по дороге в стороны, вот-вот перевернется, но едет, едет со страшным воем. Первый раз она приезжает к бабушке с сиреной. Мне стало беспокойно. Сходил бы к соседям, но неудобно. Никогда я у них не бывал. Ничего страшного, думаю. Врачи найдут какой-нибудь выход, помогут бабушке и тихо, незаметно уедут. С бабушкой ничего плохого не случится.

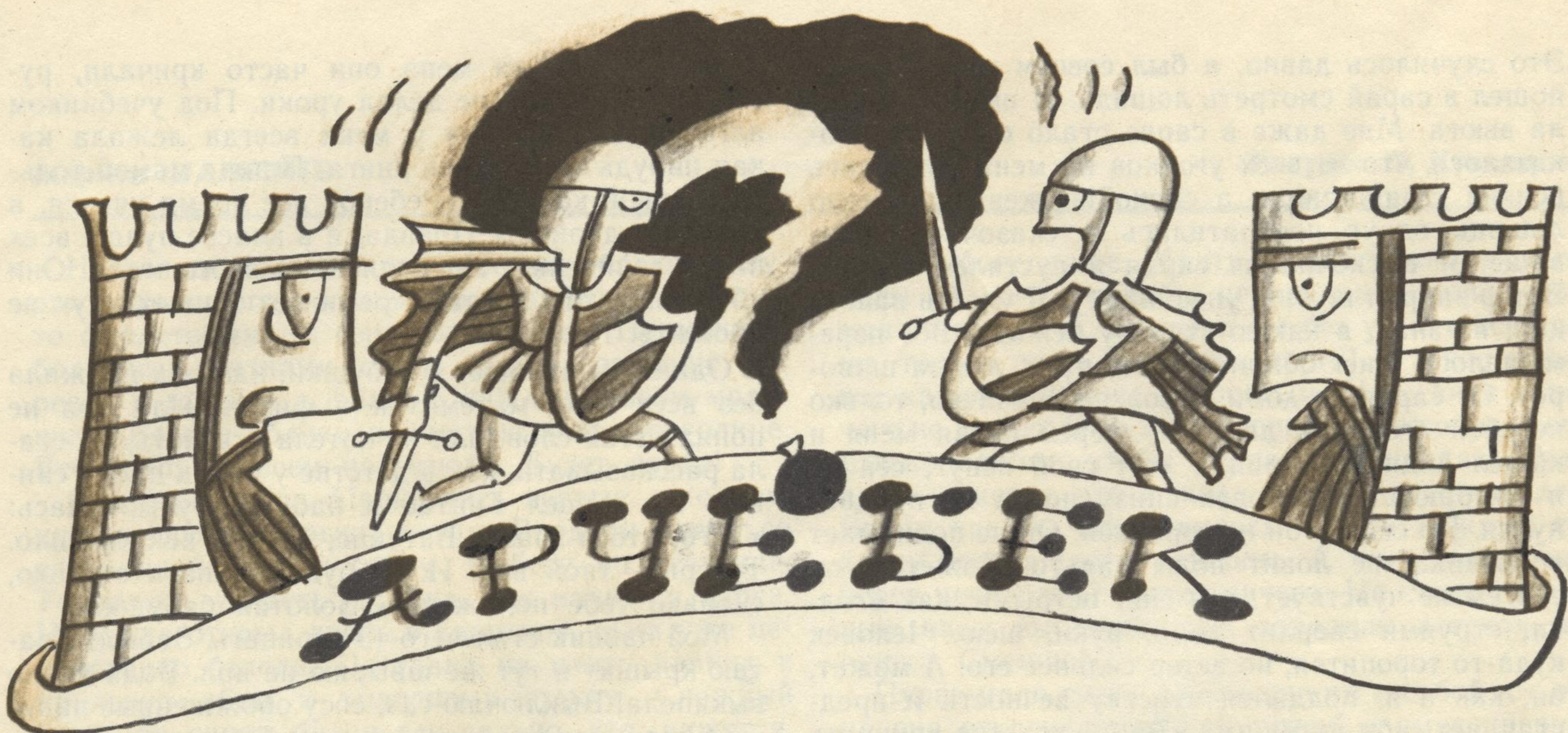
Когда ел суп, оставленный мамой в термосе, на лестничной площадке вдруг услышал суету и страшный крик Анны. Сломая голову выскакиваю из квартиры. Люди в белых халатах на носилках несут прикрытое простыней тело. Попятился назад. Отодвигаюсь долго-долго, пока нащупываю ручку нашей двери. Быстро захлопываю и бегу обратно на кухню к окну, за которым уже утихает пурга.

Вижу, как светлеет небо. Снег падает большими, спокойными хлопьями. Оставшиеся редкие деревья в нашем дворе, занесенные дома — все облегченно вздохнули. Кажется, они только и ждали этой пурги, чтоб потом могли вздохнуть вот так свободно и радоваться тишине, которую нес каждый пушистый комок снега. А бабушка не держала. Странно, умер человек, и пурга перестала. Стрелки часов идут все вперед и вперед. Часы одинаково тикают как для живых, так и для мертвых. Время бабушки иссякло. А часы ни на секунду не остановились. В мире ничего не изменилось. Мне хочется плакать. Но боль, застрявшая в горле, не дает слезам вырваться наружу.

...Бабушку похоронили. Анна перестала плакать и каждый день у нашего подъезда уже не стояла машина «скорой помощи».

Но теперь, когда прошло столько лет, я не могу смотреть на пургу так, как раньше. Когда она метет, меня охватывает неясное предчувствие несчастья. Я хорошо понимаю, что пурга и смерть бабушки были случайны. В этом не было ничего общего.

Но я изменился. Когда идет пурга, я не смотрю в окно.

ТЕБЯ ЖДЕТ ЧЕМПИОНАТ!

Шахмат-адмирал Ферзьбери во все-услышание объявляет!

Открыт прием в Армию Разведчиков Черно-Белых Клеток (АРЧЕБЕК) и запись в Чемпионат-87, где разведчики и разведчицы будут бороться за спортивные разряды по шахматам и шашкам, за дипломы, призы и почетное звание чемпиона АРЧЕБЕКа!

Кого примут?

Каждого, кто пришлет заявку!

Когда начало соревнования?

В январе!

А что делать не умеющим играть?

Их зачислят в особый отряд, где подготовят к следующему чемпионату!

Спешите, спешите, спешите записаться в АРЧЕБЕК и в Чемпионат-87!

Заявку («Прошу принять меня...») пишите на открытке.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКа

В конкурсе «Майский приз» («Костер» № 5) награждаются: за задачу № 1 — Юра Мухамедов (Пенза), за № 2 — Витя Жуков (Великие Луки), за № 3 — Алеша Сулимов (Трубчевск), за № 4 — Тарас Ситайло (п. Краснополье), за № 5 — Слава Кальвин (Велиж), за решение всех пяти задач — Саша Летунов (ст. Отрадная), Аня Деметьева (Москва), Игорь Фадиневич (с. Благовещенка).

Верные ответы (мат в 2 хода дается, если в № 1 пойти 1.e8C!, в № 2 — 1.Фh1!, в № 3 — 1.Фe5!, в № 4 — 1.c8K!, в № 5 — 1.e3! прислали также

Всем участникам этого конкурса шахмат-адмирал Ферзьбери выносит благодарность!

КТО? КТО? КТО?

— А мне сегодня интересную задачу показали, — сказал Петя.

— Поставь фигуры, я решу, — предложил Коля.

— Сейчас. Дай вспомнить... Значит, так: два короля, ладья и слон на этих клетках, — Петя указал поля a1, b3, d1, d4. — Но какая где фигура стояла? Забыл! Помню только, что в самом углу не король, и что дается мат черному королю в три хода.

— И я знаю задачу, где дается мат черному королю в три хода, — сказал Коля.

— А какие фигуры?

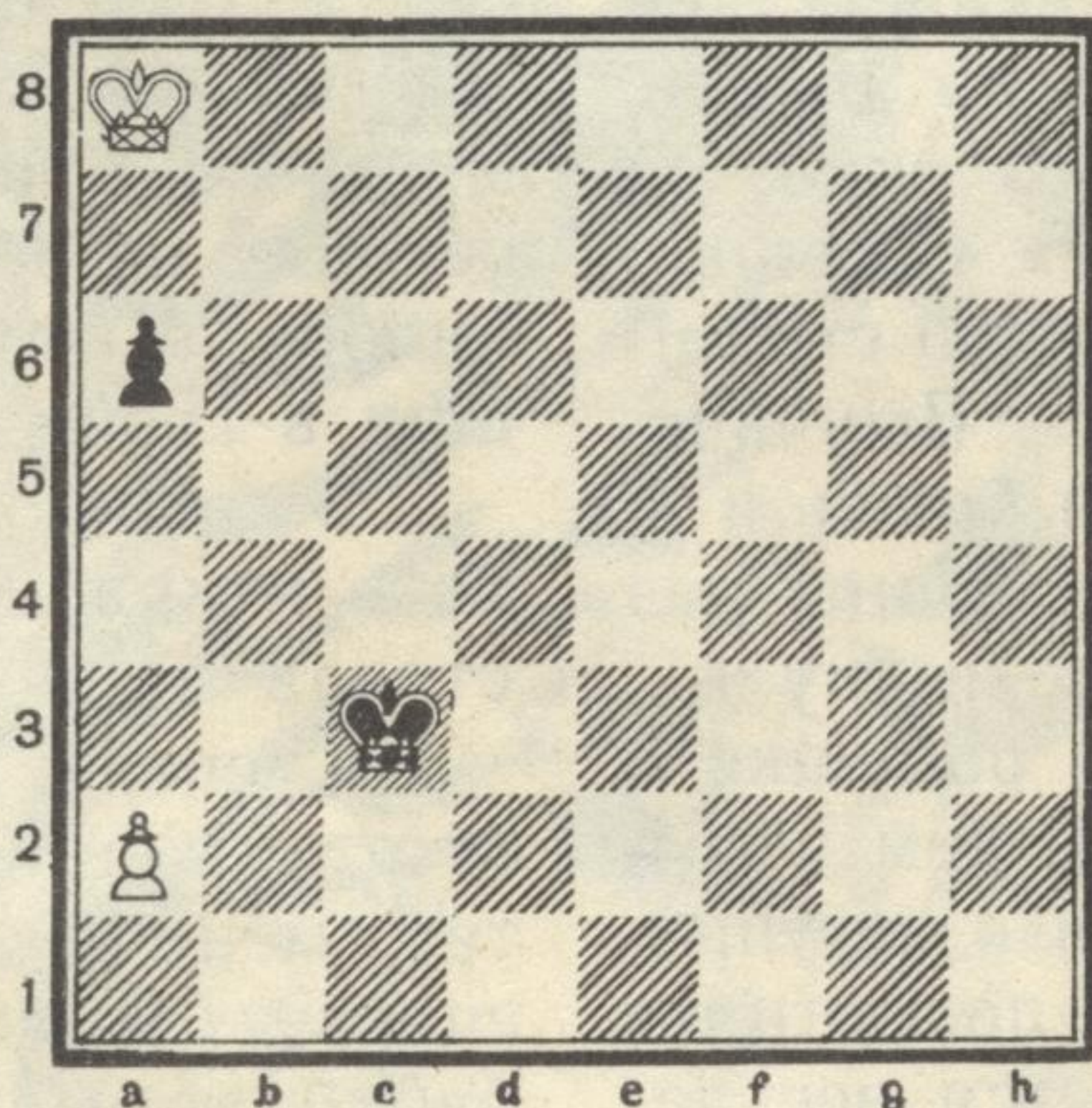
— Два короля, два коня и пешка на клетках a1, a2, a5, c1, c3. На клетке c3 не король, на a5 не конь, а больше ничего не помню...

Доблестные разведчики! Кто сумеет по этим отрывочным сведениям восстановить позиции задач (автор А. Шапошников из г. Горького) и решить их? Среди ответивших верно будет разыграна шахматная книжка с автографом гроссмейстера.

ИЗ КЛАДОВОЙ ТЕОРИИ

Окончания, в которых на доске присутствуют только короли и пешки, выглядят совсем бесхитростными, не правда ли? На самом же деле это не так. Вот пример (Прокеш).

Кажется, что белые могут спокойно сдать: их королю черную пешку не догнать, а их пешке от черного ко-

роля не убежать. Так? Так, да не так! Белые могут свести игру вничью, если применят метод обхода. Запомните этот прием:

1.Kpb7 a5 2.Kpc6! (угрожая пойти Kpb5) a4 3. Kpd5! Теперь белый король заходит во фланг черному: 3... a3 4.Кре4! Kpb2 5.Kpd3 Kp:a2 6.Крс2. Ничья стала очевидной. А как белым играть при 3... Kpb2? Это шахмат-адмирал поручает найти разведчикам.

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Заходите, не стесняйтесь! Приглашаем и шахматистов и шашкистов! Сначала кое-что для разведчиков ШХМ:

А. Белые: Kpf7, Kc7, Kd6, п.d7; черные: Кра7, Kb6, Kb8.

Б. Белые: Kpd6, Kd5, Ke5, пп.d2, f3; черные: Kpd4, Cd3.

В обеих задачах (Андрей Селиванов, п. Марсята) мат в 2 хода.

А теперь — для разведчиков РШ:

Г. Белые: a7, d2, d4, f4, g1; черные: b2, c7, d6, f6.

Д. Белые: e1, e3, e5, f2, h2, h4; черные: c5, c7, e7, f6, g7, h6.

И в Г (В. Романов) и в Д (О. Шалыгин) выигрыш белых.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 8 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Ch1! d3 2. Kpg2. Б. 1.Kph2! Kpc1 2. Kc3. В. 1. f6! ef 2. Kpf5 fe 3. Kpe4 ef 4. Kpf3 fg 5. Лг2. Г. Выигрыш — 1. Kpd5 Kpc8 2. Kpd4 Kpd8 3. Kpc4! Kpc8 4. Kpd5! Kpc7 5. Kpc5. Д. Ничья — 1. Kpg3 h5 2. e4 Kpg1 3. e5! Е. Ничья — 1. Cb6! Ла1 2. Cg1!

РШ. А. 1. g3! 2. f2! 3.c3X. Б. 1.c5! e3 2.d4! c3 3.b4!X. В. 1.b6! 2.c5! 3.bc7!X. Г. 1.a3! e7 2.e3 d6 3.f4! c5 4.e5X. Д. 1.cb2! 2.b2! 3.f2! 4.g3X. Е. 1.g5! 2.hg3!X.

МШ. А. 1.22! 27 2.32 3.39—34X. Б. 1.32! 38 2.23! 28 3.43! 4.24X. В. 1.2! 2.44 3.7X. Г. 1.19 22 2.14 28 3.10 32 4.5 38 5.28! 42 6.20! Д. 1.30! 2.42!X. Е. 1.29!X.

РЕЗЕРВУ. 1.f8C!

ДВЕ СКАЗКИ

Б. СЕРГУНЕНКОВ

Рисунок А. Ивашенцовой

УМНЫЕ САПОГИ

У одного лесника были сапоги. До чего же они были умны!

Однажды возвращался лесник домой. Попалась ему развилка: одна дорога направо ведет, другая налево. По какой дороге идти домой? Решил лесник идти по правой дороге. Только ступил на правую дорогу, а сапоги ему и говорят:

— Не ходи по правой дороге, иди по левой.

— Это почему? — удивился лесник.

— Потому что по правой дороге тебя беда ожидает.

— Какая еще беда? — удивился лесник еще больше.

— А такая, — говорят сапоги. — Пойдешь ты по правой дороге, попадется тебе мост, от старости он под тобой рухнет, упадешь ты в реку, станешь тонуть, вытащит тебя из реки проходящий грибник, только тогда домой попадешь.

Не поверил лесник своим сапогам.

— Вздор все это, — говорит. — Я по правой дороге сто раз ходил и ничего со мной не случилось.

— Ты как хочешь, а мы не пойдем, — сказали леснику сапоги.

— Не пойдете, так идите сами, — ответил им лесник.

Снял с ног сапоги, пошел по правой дороге, а сапоги по левой. Дошел до моста, мост под ним рухнул, упал лесник в реку, стал тонуть, услышал его крик проходящий грибник, прибежал на помощь, вытащил. Вымок лесник. Не обсыхая, домой побежал. Открыл дверь избы, глядит, а сапоги под лавкой лежат.

— Ну, кто прав? — спрашивают.

Ничего не сказал им лесник. Но с тех пор стал слушать свои сапоги. Какой они ему совет дадут — не перечит.

ХРАБРЫЙ ТОПОР

Ох и храбрец был этот топор! Пошел однажды лесник в лес на работу. Взял с собой топор. Висит топор за поясом лесника, похваляется:

— Я рыси не боюсь! Я волка не боюсь! Я медведя не боюсь!

— Кого же ты боишься? — спрашивает лесник у топора.

— Никого я не боюсь, — отвечает топор.

Пришел лесник на делянку. Стал сосну рубить. Не успел размахнуться, вдруг зашумело что-то в кустах, запищало.

Раздвинул лесник ветки, а там зайчонок сидит, потерял мать и от страха плачет.

— Беги отсюда, — сказал лесник зайчонку, — а не то сосна на тебя упадет.

Послушался зайчонок лесника, убежал.

Принялся лесник снова за работу. А топора нет. Где топор? А топор под кустом лежит, спрятался.

Ну и храбрец!

Раздел ведет
кандидат
физико-математических наук,
доцент В. В. ЛАПТЕВ

Вот, наконец, до Нового года и осталось совсем немного. Все чаще из окон домов выглядывают украшенные разноцветными гирляндами и игрушками красавицы-елки. О некоторых способах управления электрическими елочными гирляндами Электроник рассказывал вам в «Костре» № 11 за 1984 год.

А что делать, если большая покупная елочная гирлянда слишком велика для вашей елки? Что делать, если и елка-то в общем совсем и не елка, а густая красивая еловая лапа, занимающая совсем немного места рядом с учебником физики на вашем письменном столе? А может, кому-то захочется иллюминировать маленькую синтетическую гостью ростом всего в 15—20 см?

Во всех этих случаях нужно срочно приниматься за работу. А оставшегося до новогоднего праздника времени более чем достаточно для изготовления миниатюрной управляемой очень простым электронным блоком елочной подсветки.

Внешне конструкцию удобно оформить, закрепив куском пластилина или каким-либо другим более надежным спо-

собом легкую синтетическую елочку или ветку на плоской батарейке от карманного фонарика, как на подставке. Среди прочих украшений на елку необходимо повесить две лампочки также от фонарика, рассчитанные на напряжение 2,5—3,5 В. Эти лампочки Н1 и Н2 в соответствии со схемой рис. 1 следует с помощью паяльника соединить параллельно тонким проводом. Два оставшихся конца провода ввести в спичечную коробку, которую опять-таки пластилином прикрепить к батарейке. Кроме того, в спичечную коробку должны войти еще два провода от электродов со значками «+» и «—» батарейки-подставки.

Внутри спичечной коробки располагается самая главная часть устройства — электронная система на двух транзисторах V1 и V2 (рис. 1) управления автоматическим включением и выключением лампочек. С ее помощью сразу после присоединения проводов питания к батарейке лампочки начнут периодически вспыхивать, оживляя украшения елки. Частоту вспышек можно регулировать вращением движка переменного резистора R2. Если вы сочтете, что в этом необходимости нет, то легко еще более упростить устройство, поставив вместо двух резисторов R1 и R2 всего один сопротивлением 10—50 кОм, подобранным по желаемой частоте вспышек.

Марка батареек 3336Л. Транзистор МП37 заменяется на МП37А, Б или МП38, МП38А. Вместо транзистора МП25Б можно применить МП25А, МП26А или МП26Б. У всех использованных в устройстве транзисторов, как и у возможных заменителей, одинаковое расположение выводов эмиттера, базы и коллектора, которое приведено в разделе «Электроник» журнала «Костер» № 9, 1984 г. Электролитический конденсатор С1 («Костер» № 10, 1984 г.) и резисторы — любых типов, подходящие по размеру.

Есть выход и из ситуации, когда размеры иллюминируемого объекта настолько малы, что даже лампочки от фонарика для него слишком велики. Заменить лампочки можно современными полупроводниковыми приборами — светодиодами, размеры которых во много раз меньше, чем лампочек, а свечение может быть зеленого, красного или, например, желтого цвета.

Изменения в схеме рис. 1 минимальны и сводятся лишь к замене двух параллельно соединенных лампочек двумя последовательно соединенными светодиодами, включить которые следует по схеме рис. 2. На этой схеме еще раз показан транзистор V2 схемы рис. 1. Пунктирная линия от его базы соответствует соединению с коллектором транзистора V1, а пунктир от катода верхнего светодиода —

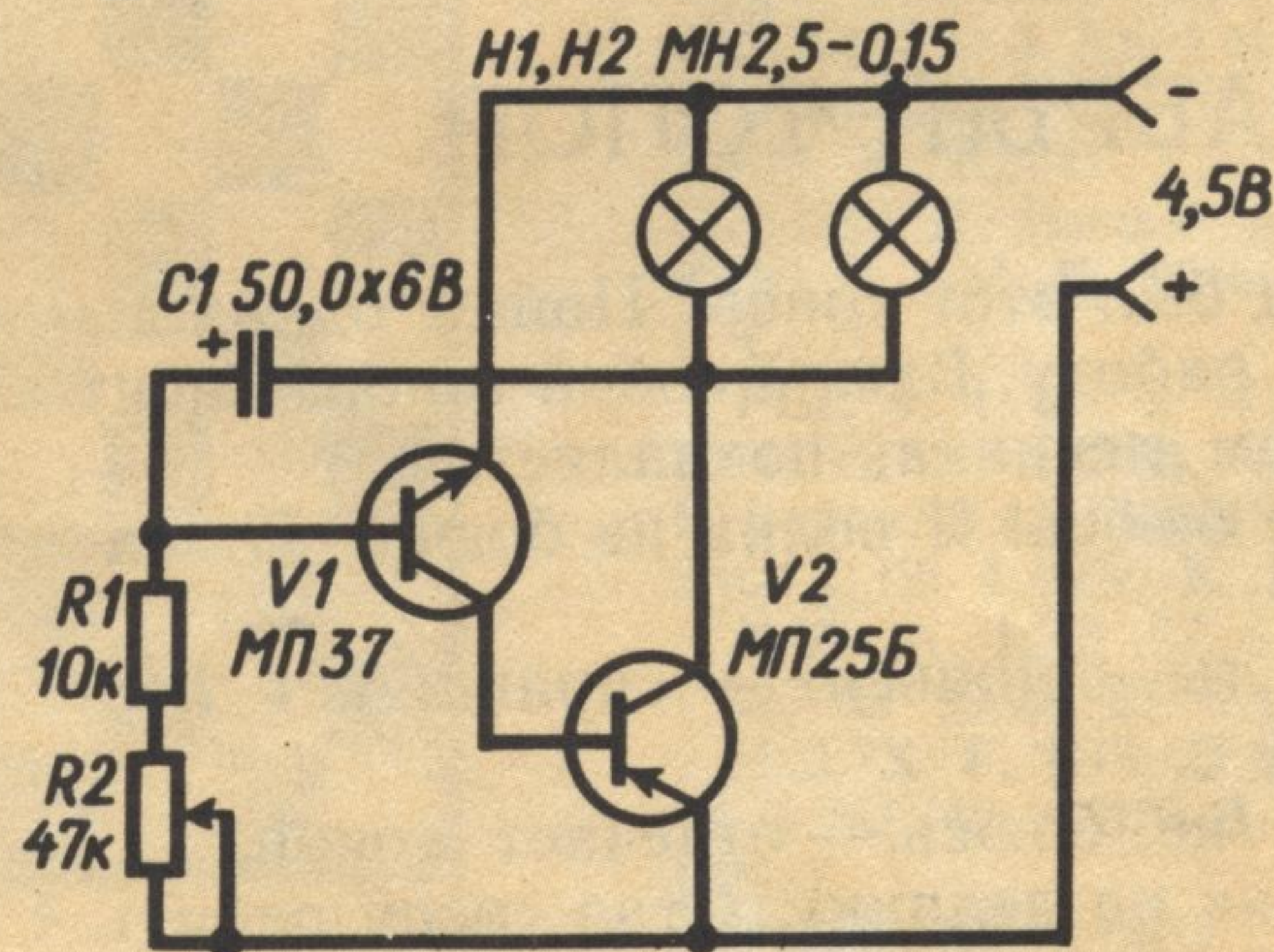

Рис. 1. Принципиальная схема устройства периодической подсветки новогодней елки

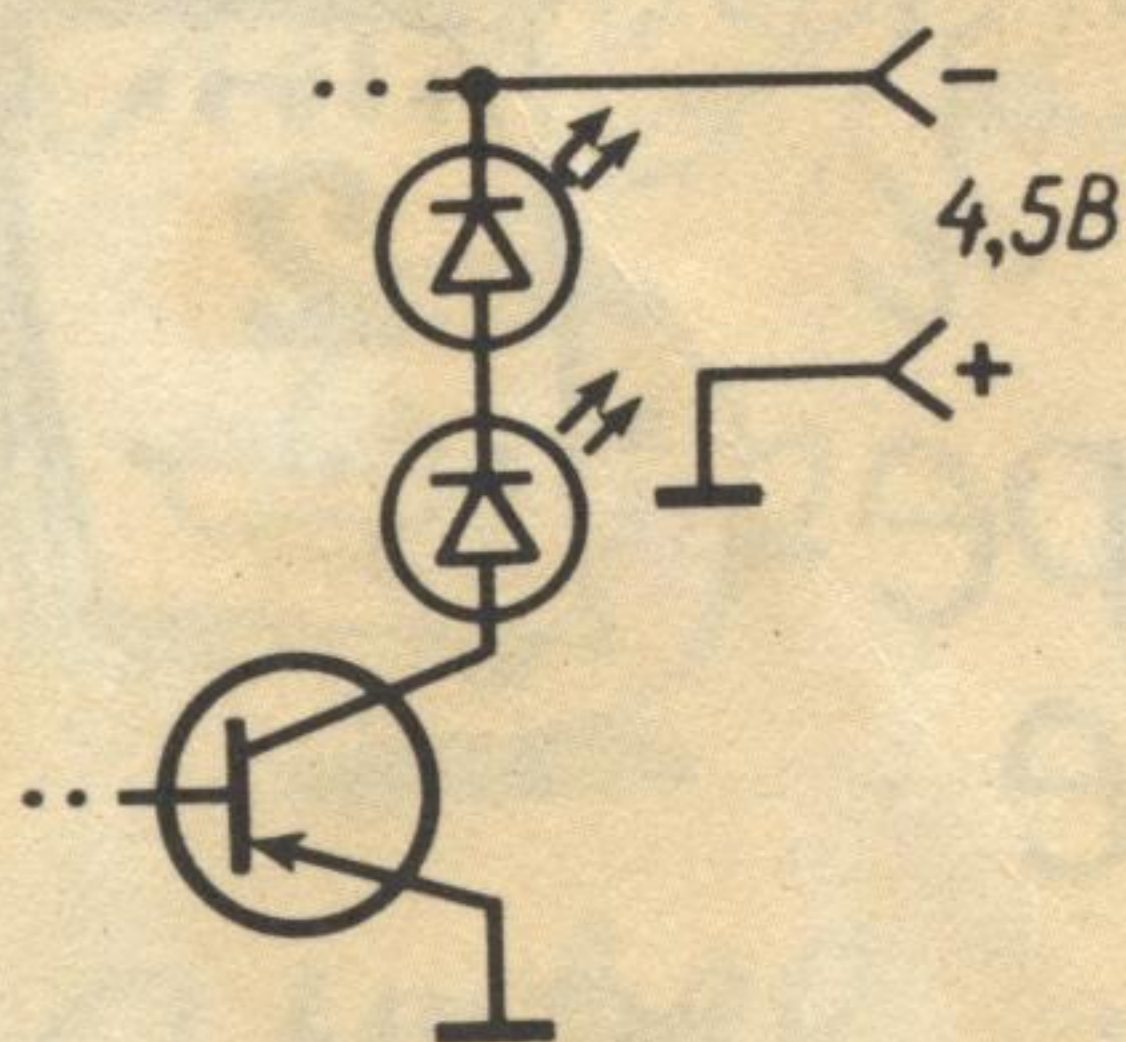

Рис. 2. Принципиальная схема включения светодиодов в устройство подсветки елки

линия соединения с эмиттером транзистора V1 схемы рис. 1.

Как вы видите, на принципиальной схеме обозначение светодиодов отличается от обозначения обычных диодов («Костер» № 11, 1984 г.). лишь наличием дополнительной окружности снаружи и стрелок, символизирующих испускаемое светодиодом излучение. При включении необходимо строго соблюдать указанную на рис. 2 полярность. Катод светодиода подключается к минусу источника питания, а анод — к плюсу.

Светодиоды можно использовать, например, марки АЛ102А...Г (красный цвет свечения, анод — тонкий вывод, катод — более толстый) или АЛ307А,Б (красный цвет свечения), АЛ307В,Г (зеленый цвет свечения), АЛ307Д,Е (желтый цвет свечения), АЛ307И,Л (оранжевый цвет свечения). У всех светодиодов АЛ307 выводы анода толще выводов катода.

Дальнейшим усовершенствованием конструкции может стать размещение празднично иллюминированной елочки с батареей-подставкой не просто на столе, а на площадке электронных качелей. Такие качели могут качаться до остановки месяцами. Принцип их работы известен давно и очень несложен, а одна из наиболее про-

стых конструкций приведена в журнале «Радио» № 8, 1973 г.

Теперь уже вряд ли кто-нибудь пройдет мимо столь необычной игрушки: ярко иллюминированная вспыхивающими разноцветными огнями, празднично украшенная елочка, мерно раскачивающаяся на подвесе качелей. Схема качелей приведена на рис. 3.

электромагнита L1. Электромагнит приобретает магнитные свойства и начинает притягивать постоянный магнит, поддерживая тем самым при каждом качании колебания качелей.

Катушки L1 и L2 имеют, приблизительно, по 300 витков провода марки ПЭЛ 0,15...0,20. Сердечник из мягкой стали

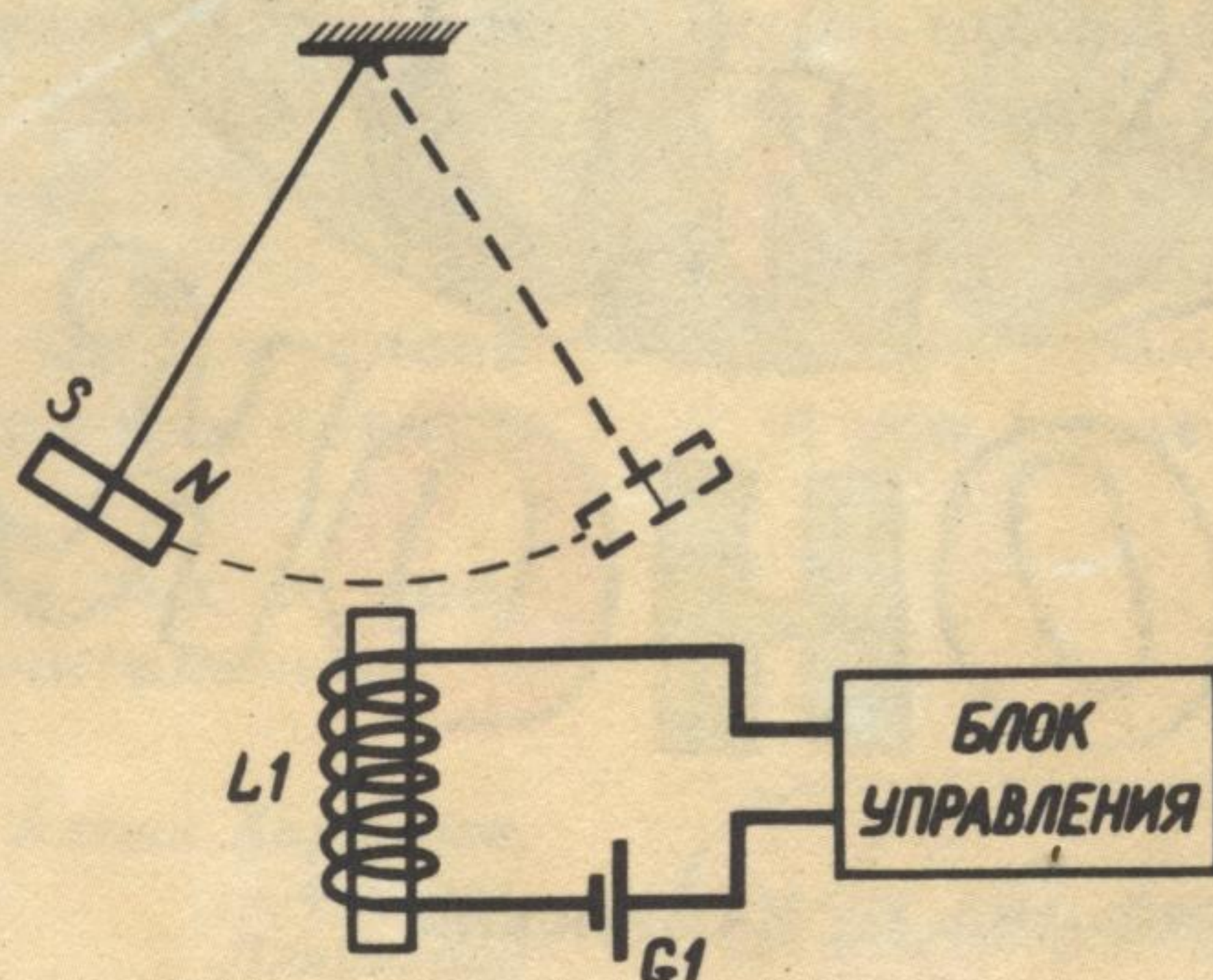

Рис. 3. Схема электронных качелей

Площадка качелей — постоянный магнит с полюсами, обозначенными буквами S и N, от большой мебельной магнитной защелки.

Сверху площадки крепится не обозначенная на схеме елочка с блоком иллюминации и батареей питания. Внизу, напротив точки подвеса, в подставке качелей прячется электромагнит (катушка L1 на металлическом сердечнике), соединенный с расположенным также в подставке блоком управления качелями (рис. 4). Катушка L1 и батарея G1 с рис. 3 изображены и на рис. 4.

При движении качелей в сторону электромагнита постоянный магнит, проходя на небольшом расстоянии от сердечника электромагнита, наводит в катушке L2 э. д. с. такой полярности, что приложенное к базе отрицательное по отношению к эмиттеру напряжение открывает транзистор. Через открытый транзистор ток поступает от батареи питания в катушку

диаметром 10 мм и длиной 15 мм.

Если при первом включении качели работать не будут, то следует поменять местами выводы одной из обмоток. При правильном их включении ток в цепи коллектора транзистора должен резко возрастать, если к сердечнику электромагнита быстро подносить постоянный магнит.

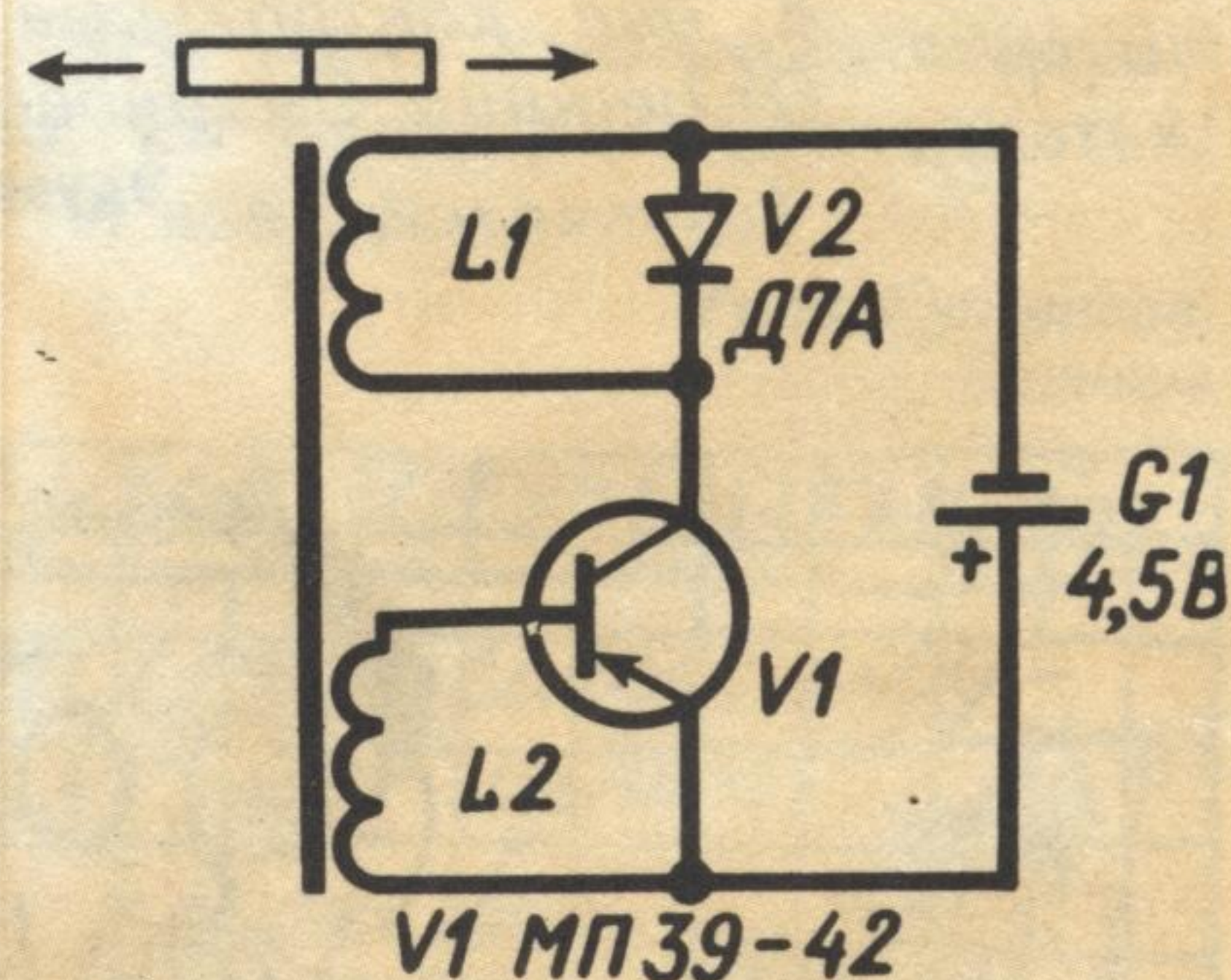

Рис. 4. Принципиальная схема электронной части качелей

ВЕСЁЛЫЙ ЗВОНОК

Составил и оформил Л. Каминский

переставался

Петров до точки все списал
С контрольной у соседки.
Когда учитель взял журнал,
Чтоб выставить отметки,
Сказал он:

— Странные дела:
Работы нет Петрова,
А две контрольные сдала
Отличница Смирнова!

Эдуард БАЛАБАН

Вовка и Сенька сидели в комнате и слушали Тото Кутуньо.

Вовка посмотрел в окно и сказал тоскливо:

— Опять дождь. Гулять нельзя. И в футбол не погоняешь...

— А я все равно больше всего люблю воскресенье, — ответил Сенька. — Во-первых, в школу идти не надо, во-вторых, на воскресенье уроков не задают, и вообще, воскресенье — это здорово!

— И телевизор смотри сколько хочешь! — добавил Вовка. — Послушай, — вдруг оживился он. — Вот бы всегда было воскресенье, а?

— Нельзя, — ответил Сенька. — А вдруг у нас хлеб кончится? И мы с голоду умрем?

— Не умрем, — возразил Вовка. — Хлебные магазины без выходных работают.

— А канцелярские? Они в воскресенье не работают. Как же тетрадки купить? Или стержень для авторучки?

— А зачем тебе тетрадки? Ведь в школу ходить не нужно!

— Нет, — сказал Сенька, — пусть лучше всегда будет суббота. Суббота мне даже больше нравится, чем воскресенье. Придешь из школы и думаешь: «Завтра воскресенье! Хорошо-то как!»

— Ну, пусть будет всегда суббота, — великодушно согласился Вовка.

— Да ты с ума сошел! — вдруг рассердился Сенька. — Сегодня суббота, завтра суббота, послезавтра — тоже суббота! А когда же воскресенье?

— Ладно, пусть суббота и воскресенье остаются на своих местах. А как быть с остальными днями?

— Понедельник, среду и пятницу трогать нельзя, — решительно заявил Сенька. — Я в эти дни в бассейн хожу на тренировку!

— Да мне же самому в четверг в фотокружок надо! — всполошился Вовка. — Четверг обязательно оставить надо!

— Остался один вторник, — подсчитал Сенька. — Как с ним быть?

— А, чего уж там, — махнул рукой Вовка. — Пусть остается. Стоит ли из-за одного дня календарь переделывать!..

Ольга КРУПЕНЬЕ

Конкурс

„И все
засмеялись!“

Вежливый Гена

Это произошло, когда я училась во втором классе. Шел урок чтения. Наташа читала отрывок из рассказа «Честное слово». Потом учительница прервала ее и попросила продолжать Гену. Гена, как всегда, занимался посторонними делами, поэтому не знал, с какого места читать. Тогда учительница решила ему помочь и прочла фразу: «Ты, наверное, есть хочешь?»

Тут Гена встал и вежливо сказал:

— Спасибо, я уже пообедал...

И все засмеялись!

Оксана Ч.,
6 класс,
п. Татищево
Саратовской обл.

Любопыт- ный ответ

Учительница задала нам вопрос:

— Чем замечателен русский язык?

Поднялось несколько рук, но учительница вызвала Юру, который не очень рвался отвечать. Юра подумал, потом ответил:

— Тем, что в одном слове можно сделать три или четыре ошибки!

— Ну, для тебя это не предел, — сказала учительница, и все засмеялись!

Алеша Харламов,
4 класс,
Ленинград

Техника безопасности

На уроке труда учитель инструктировал нас по технике безопасности при работах на деревообделочном станке. Потом попросил повторить эти правила.

Когда дошла очередь до Ильи, он сказал:

— Перед началом работы нужно внимательно осмотреть заготовку. Проверить, нет ли сучков и затрещин...

И все засмеялись!

Сергей Дадайкин,
6 класс,
Нижний Тагил

Не интере- сное кино

Однажды в воскресенье мы всей семьей пошли в кино на дневной сеанс. С нами был мой маленький брат Саша. Сначала он внимательно смотрел на экран, потом фильм ему наскучил. И тогда Саша громко крикнул:

— Папа, переключи на другую программу!

И все засмеялись!

Наташа Щербакова,
5 класс,
Москва

Молодая старушка

— Сидоров, — сказала учительница, — расскажи нам о вводных предложениях.

— Э... вводные предложения... — Сидоров почесал в затылке. — Ага, вспомнил! Они выражают дополнительные замечания или пояснения и выделяются скобками.

— Хорошо. Придумай пример и напиши его на доске.

Сидоров взял мел и написал: «На меня смотрела старушка. Ей было лет двенадцать».

И все засмеялись!

Галя Кунгурова,
Барнаул

Из неполного собрания школьных сочинений

Вдоль реки шёл солдат,

держа в руке
лошадь.

У моего приятеля
нос с
горбушкой.

Пастух выгнал
в поле коров и
хлопнул хвостом.

На голове Ильи му-
роша был шлем,
а на ногах бо-
тынки с древ-
ними шнур-
ками

ПРИСЛАЛИ: Яна Юрова и Оля
Макарова (Ленинград),
Дима Номеров (Тюмень),
Наташа Потайнова и Галя Ба-
широва (с Калиновка Ульянов-
ской обл.), Сергей Рядчик
(г. Першотравенск Днепропет-
ровской обл.).

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Оформление
Л. Московского

ПРО ГИЛЬЗУ ОТ СНАРЯДА И ОДНУ СТРАННУЮ МЕДАЛЬ

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ*

— Было это в 1942 году,— продолжал свой рассказ Петр Петрович.— В Баренцево море ушла в поход наша подводная лодка. Ее командир, Виктор Николаевич Котельников, то и дело смотрел в пери-

* Начало см. в «Костре» № 10.

скоп: не покажутся ли фашистские корабли. Но море было пустынно. Подошли поближе к берегу. Видят вход в бухту... Котельников решил осмотреть ее. И не напрасно: в бухте скрывался фашистский большой транспорт. Наши обрадовались: такой корабль, наверное, везет много нужных фашистам военных грузов!

Подошла лодка поближе и выстрелила торпедой. Сильный взрыв эхом пошел отражаться от береговых скал...

— Попали! — сказал Котельников и пропустил к перископу помощника, чтобы и тот посмотрел, как фашист будет тонуть... А транспорт не тонет... Что за напасть! Может быть, он бревнами или досками доверху нагружен? Или все его трюмы пробкой набиты? Ждать долго было нельзя. Котельников решил: «Всплыть. И добить транспорт из пушек!»

Так и сделали. Выскочили наши артиллеристы из рубки, кинулись к пушкам и дали несколько выстрелов. Артиллеристы были меткими, и Котельников видел, что снаряды попадают прямо в борт. Но транспорт не тонет и — все тут!

— Огоны! — командует Котельников. — Огоны!

Грохочут пушки, рвутся снаряды. А транспорт — не тонет! Больше сорока снарядов выпустили артиллеристы. Транспорт наконец загорелся,

надстройки его окутались паром, который выходил из поврежденных машин. Он стал оседать ниже, ниже и медленно ушел под воду...

А секрет «непотопляемости» транспорта наши подводники узнали позднее, когда вернулись на базу. Дело было вот в чем... Зима в Заполярье, как вы знаете, суровая. И фашистские солдаты, наступавшие на Мурманск, сильно мерзли... Их генералы и приказали: одеть солдат в валенки, полушубки и теплые шапки... Десятки тысяч теплых вещей погрузили на самый большой транспорт и повезли. Груз считался важным. Потому транспорт и шел очень осторожно, крался под самым берегом, отстаивался в бухтах... Но от наших подводников все равно не ушел. Только вот тонул медленно! Полушубки и валенки долго держали подбитый транспорт на плаву...

Ну а в этой медали, можно сказать, конец истории. Попала медаль ко мне много позднее. На ней — надпись: «За обморожение». Не получив теплую одежду, фашисты поотмораживали себе руки-ноги. И Гитлер велел каждому обмороженному вояке выдать вот такую награду...

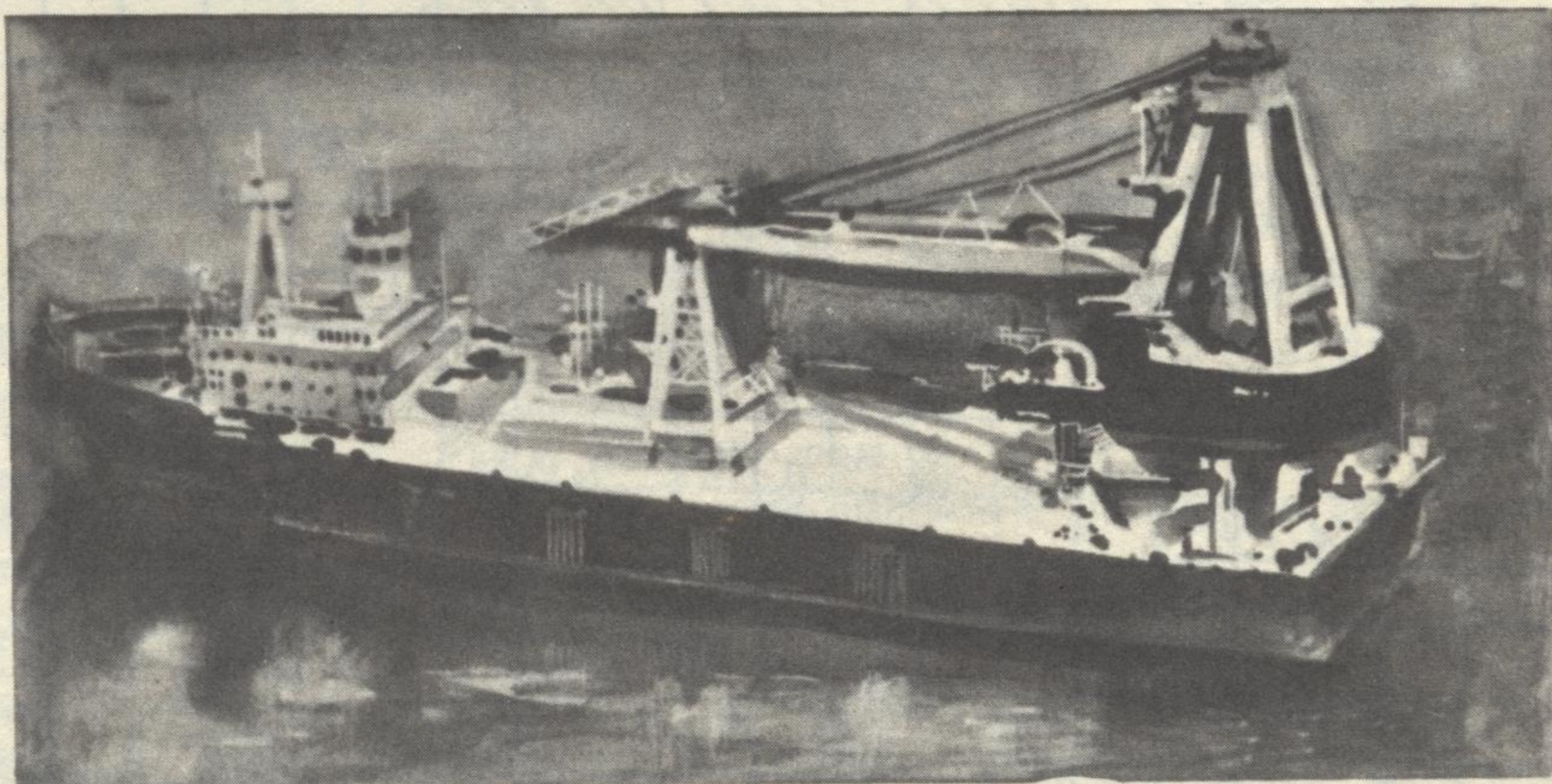
Петр Петрович подержал на ладони медаль и положил ее в самый дальний угол ящика своего письменного стола...

О. ОРЛОВ

ОКЕАНСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

Это новое судно-кран будет работать в наших морях. Кран может поднять со дна большой груз — в 1600 тонн! На борту крана есть электронно-вычислительная машина. В сильный ветер и волнение она рассчитывает работу машин так, чтобы кран стоял точно на одном и том же месте и спокойно работал, как будто на море полный штиль...

Нам сообщают

«Мы организовали Клуб юных моряков в своей школе. У нас есть и капитан и матросы. Мы сами сделали все оборудование для обучения юных моряков. Сами сшили морскую форму. А родительский комитет школы помог сделать нам весь такелаж для небольшой яхты и катамарана. Мы очень просим вас прислать нам азбуку Морзе и флажный семафор.

Штурман КЮМа

Алиса Кударева

и юные моряки:

Сергей Соколов, Алеша Мохнатов,

Коля Ульянов, Юля Гросс,

Инга Степанова, Витя Степанов,

Дима Тимофеев.

г. Куйбышев

«Дорогие юные моряки! Высылаем вам несколько комплектов азбуки Морзе и флажного семафора».

«МОРСКАЯ ГАЗЕТА»

КОРАБЛИК

Фарид Ибрагимов, Задонск

ТЯЖЕЛЫЕ ИЛИ ЛЕГКИЕ?

Как-то поспорили два человека: какие были на старинных парусных кораблях пушки? Один говорит: «Громадные были корабельные пушки! И тяжеленные! В бурю такая пушка могла сорваться с канатов, которыми ее привязывали, и разнести борт в щепки! Бывало, от этого корабли тонули...»

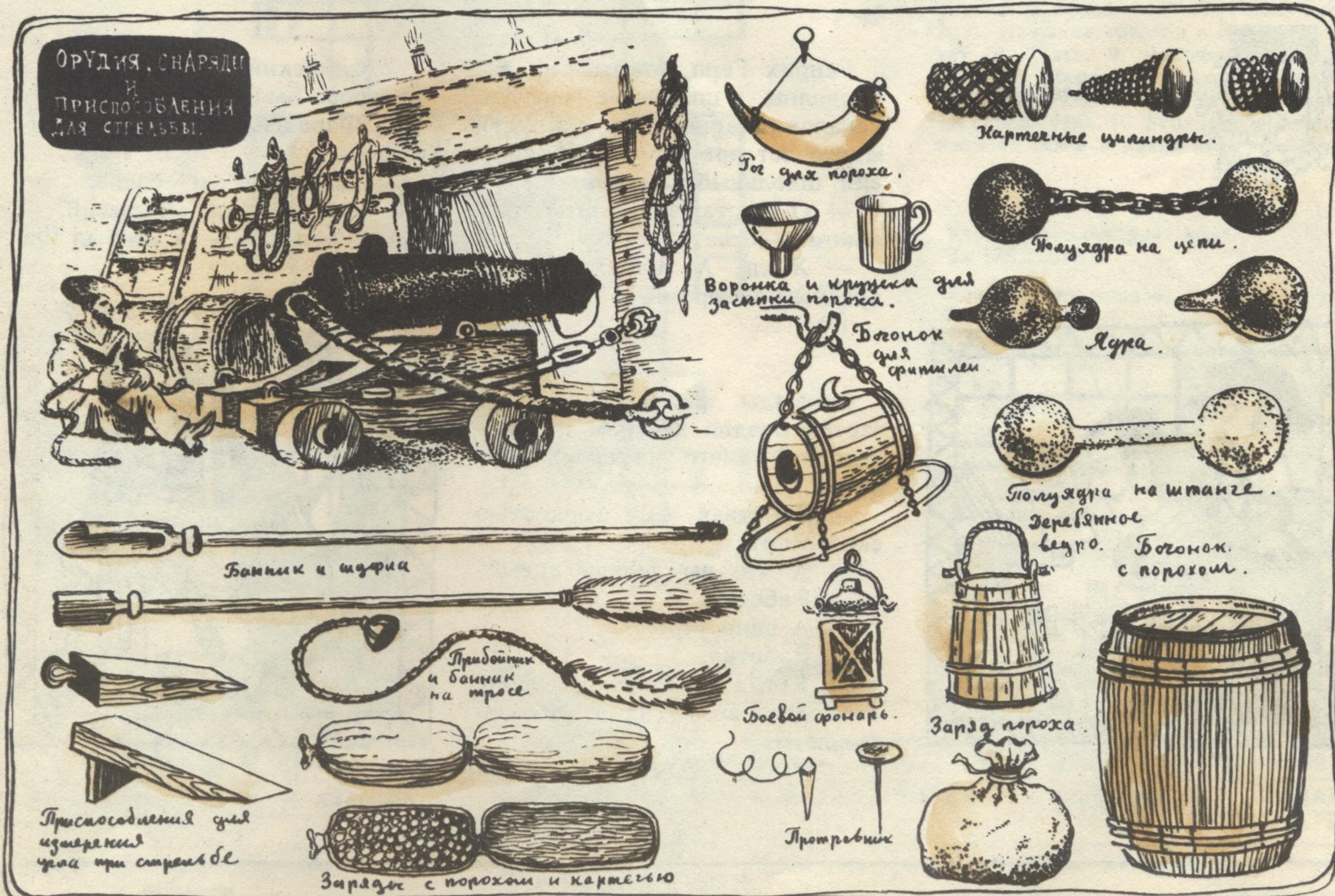
А другой говорит: «Большими и тяжелыми корабельные пушки быть не могли. Пушек-то иногда было на корабле больше сотни! Если тяжелые, так и корабль перевернут...»

Стали искать в старых книгах про корабли. А там напи-

сано: «Легкая корабельная пушка весит триста килограммов. Пушка потяжелее — девятьсот. А самые тяжелые — почти четыре тонны!»

Такой слон, если сорвется, действительно разобьет борт корабля и переломает все на палубе...

Первый из спорщиков был прав: корабельные пушки были большие и тяжеленные. Художник нарисовал большую корабельную пушку конца XVIII века со всеми приспособлениями для стрельбы и крепления на палубе.

Свои карнавальные костюмы вам показывают Саунина Наташа из Шадринска, Степаненко Оля из Спасска-Дальнего, Сучкова Лариса из Киева и Гардер Ира из с. Хортица Оренбургской области.

ИНОПЛАНЕТЯНКА. Основа костюма — тренировочный костюм, к которому пришиты рукава и штанины из марли или тюля (можно использовать старую тюлевую занавеску). Из того же материала сделана накидка, пришитая к воротнику из плотной ткани. Костюм выдержан в сине-голубой гамме (марлю или тюль покрасьте анилиновой краской). Детали выполнены из елочного «дождика» и фольги.

РУСАЛОЧКА. Для этого костюма тоже нужен тренировочный костюм и зеленые ленты — «водоросли».

Два других костюма называются — **ВРЕМЕНА ГОДА**. Один из них — романтический. Он требует кропотливой работы, нужно изготовить осенние и летние листья, цветы, снежинки. Костюм должен получиться очень эффектным и красочным. Другой костюм — шутка. Шорты, теплая куртка, валенок и резиновый сапог, летняя шляпа и варежка, зонтик, санки или коньки — детали несовместимые и яркие по цвету. Большинство девочек любят наряжаться «принцессами». Мало у кого хватает юмора и смелости нарядиться «попугаем». Но есть и такие девочки, внешность которых не испортит эксцентричный костюм, он подчеркнет задорный и веселый характер.

Рисунки Т. Петуховой

Рисунки
Ю. Беломлинской

Генрих Герц, открывший радиоволны, в школьные годы увлекался токарным делом. Спустя много лет про его судьбу спросил школьный учитель.

— О, он стал знаменитым физиком! — ответили ему.

— Жаль. А мог стать прекрасным токарем!

Однажды физик Резерфорд застал поздно вечером в лаборатории одного из своих учеников.

— Работаю! — с гордостью сказал тот.

— А что вы делали днем?

— Работал.

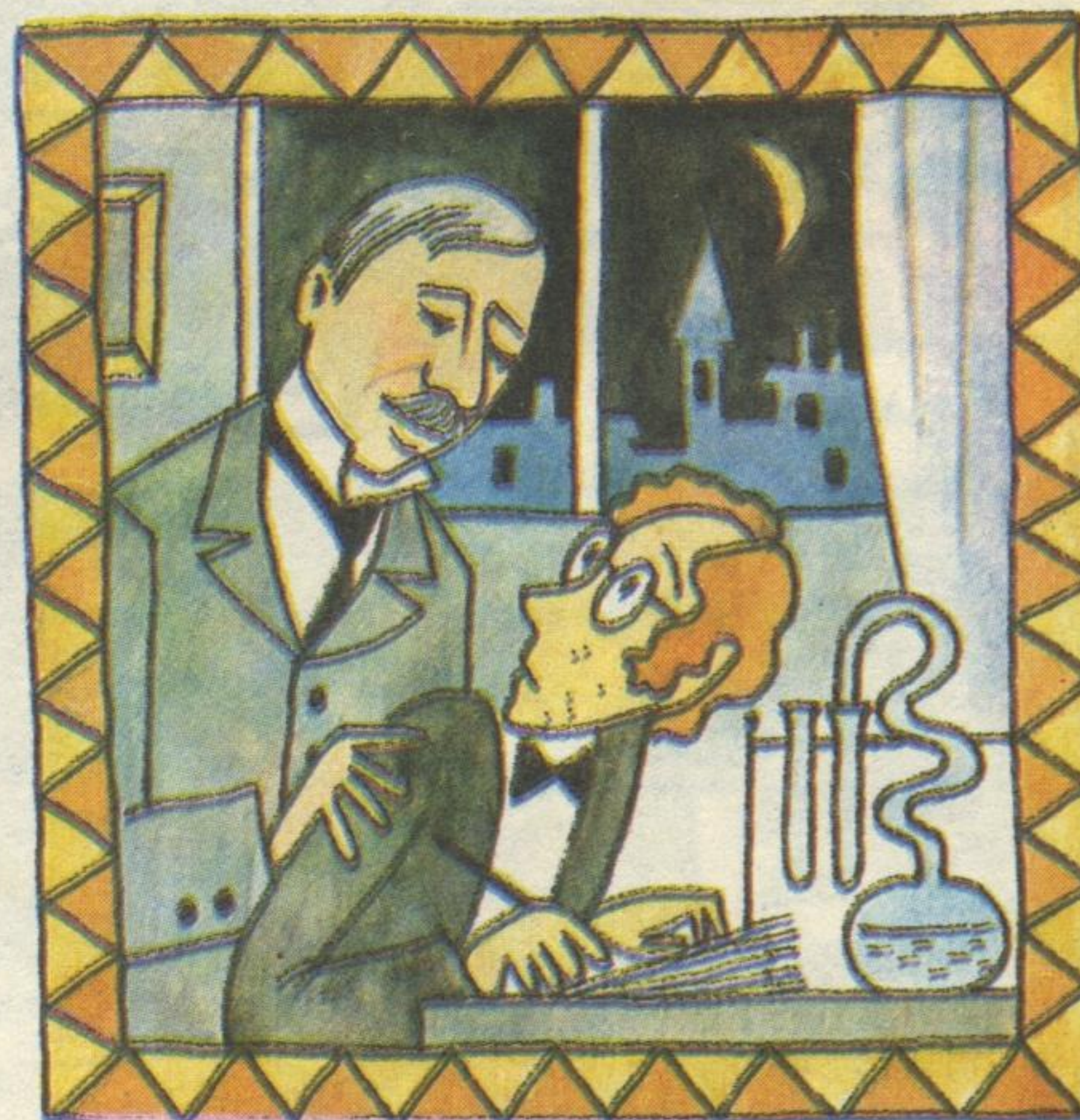
— А рано утром?

— Работал.

— Когда же вы обдумываете опыты? — возмутился Резерфорд.

Английский химик Деви, у которого был лаборантом молодой Фарадей, частенько потом говорил:

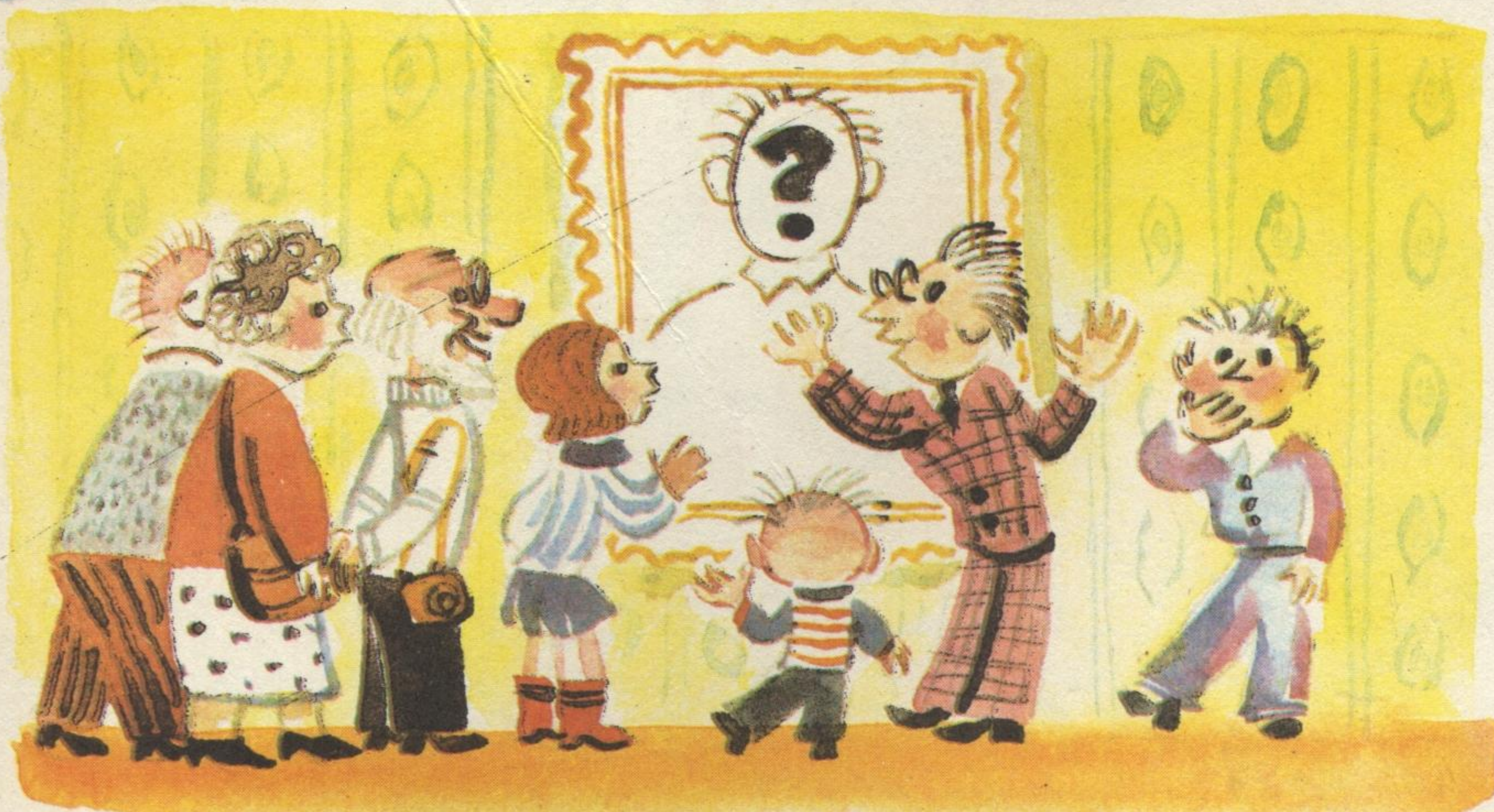
— Конечно, я сделал несколько крупных открытий, но самое большое — я открыл Фарадея!

Напоминаем всем участникам конкурса-86 нашего клуба, что итоги будут подведены в следующем номере. Там же будут названы самые активные участники.

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

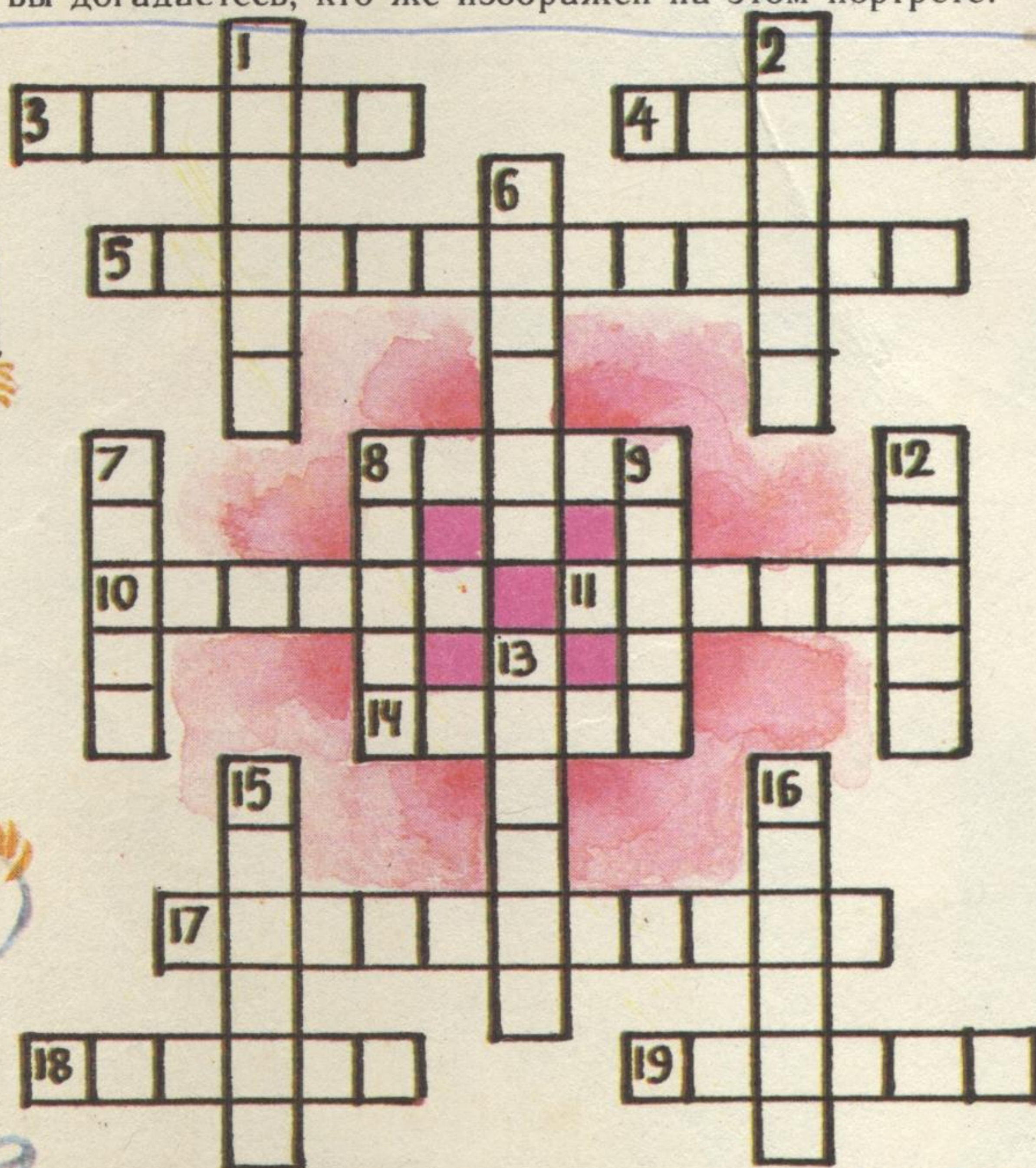
Оформление А. Януса

ЗАДАЧА ПРОФЕССОРА СИНИЦЫНА

Однажды, показав на чей-то портрет, профессор Синицын сказал: «В семье я рос один, и все же отец того, кто изображен на этом портрете, — сын моего отца...»

Может быть, вы догадаетесь, кто же изображен на этом портрете?

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

Хороший кроссворд нам прислала Аня Шестакова из села Бараниковка Ворошиловградской области. Заметьте — она сумела сделать свой кроссворд красивой симметричной формы.

По горизонтали: 3. Страна в Африке. 4. Приспособление для сверления. 5. Музыкальное сопровождение. 8. Зеленый покров земли. 10. Один из древнегреческих богов. 11. Птица. 14. Стадо овец. 17. Раздел науки о языке. 18. Домашнее животное. 19. Курорт в Крыму.

По вертикали: 1. Писатель, автор книги «Волшебник Изумрудного города». 2. Строительный материал. 6. Африканский барабан. 7. Персонаж сказки А. С. Пушкина «Сказка о золотом петушке». 8. Ткань. 9. Рыночная площадь в Древней Греции. 12. Динамический оттенок в музыке. 13. Место в театре. 15. Остов судна. 16. Угол между направлением на север и каким-либо предметом.

Кто быстрее построит дом?
За 175,2 дня.

Конкурс кроссвордов.

По кругу: 1. Архар. 2. Ревун. 3. Налим. 4. Манго. 5. Оляха. 6. Астра. 7. Арбуз. 8. Зебра.

В круге: 1. Акула. 2. Рыбы. 3. Нерпа. 4. Морж. 5. Окунь. 6. Аист. 7. Амеба. 8. Заяц.

Прогноз погоды.

Нельзя, так как через 72 часа, т. е. через трое суток, будет опять 12 часов ночи.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-26567. Сдано в набор 04.07.86. Подписано к печати 16.09.86. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7.9. Печать офсетная. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 01297. Цена 30 к.

Текстовые диапозитивы, диапозитивы иллюстраций изготовлены на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1 Госкомиздата СССР. Отпечатано на полиграфкомбинате ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». Зак. 6-313. Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42.

БОРЦЫ ЗА СВОБОДУ СВОИХ НАРОДОВ

Перепишите подписи, заполнив в них пропуски.
Пришлите ответы по адресу:

193024, Ленинград, Мытнинская ул., д. 1/20, «Костер» — «Викторина».